

Н. А. Шерственников

50 лет в рядах пропагандистов

(первая часть)

Оглавление

I. Введение	1
II. Жизненная необходимость пропаганды и первые шаги	2
Новые шаги в пропаганде знаний в Уржуме и в Иванове (1925-26 годы)	3
Второй период работы в Уржуме (1926-35 г)	4
Пропагандистская работа в первую пятилетку	5
Смена места работы не внесла помехи в пропаганду знаний	6
Приложение: Перечень газетных статей и журнальных оттисков	6

Первому секретарю
Уржумского райкома КПСС

На Ваше имя, товарищ секретарь, направляю первую часть своей рукописи «50 лет в рядах пропагандистов 1923-1972 года», повествующую об участии в пропаганде за время работы в Уржуме с конца 1922 года по 30 сентября 1936 года /с включением в неё 7-месячной работы в г. Иванове и 20 месяцев пребывания в аспирантуре, во время которой участвовал во многих мероприятиях Уржумского района/.

Предполагаю, что сравнительно отдалённые годы могут представлять интерес и для истории Уржумского района.

Вторую часть рукописи, к сожалению, выслать не могу ввиду нехватки.

С рукописью в целом подробно ознакомились первый секретарь Башкирского обкома КПСС, члены бюро Обкома – Т. И. **Ахуньянов**, З. Ш. Акназаров, Ф. В. Султанов и ряд ответственных работников Обкома, которые помогли мне размножить рукопись до 5 экземпляров, пропустив ее через «Эру», признав рукопись содержательной.

Товарищ секретарь, может быть и Вы, ознакомившись с ней, найдёте возможным её размножить до 5-6 экземпляров на пишущей машинке и их распространить для хранения

в Уржумском городском совете, в котором с 1924 года по 1936 г. я избирался депутатом, был бессменным руководителем секции здравоохранения и с 1928 по 1935 гг. заместителем-членом председателя в президиуме его;

в медицинском училище, который я создавал по доверию и помощи районных организаций, был преподавателем и до сих пор сохраняю связь с ним;

в Уржумской районной библиотеке для предоставления ограниченному кругу читателей — моих сверстником и соратников по службе и общественной работе;

в краеведческом музее, где уже хранится какое-то количество моих трудов;

в Б. Ройской седней школе, в которой я был учеником в 1906-1909 годах (тогда в начальном земском училище) и с 1971 года возобновил связь с ней.

Это только моё пожелание.

Прошу Вас подтвердить о получении высланной рукописи и каково Ваше мнение о размножении и распределении её для ознакомления желающих знакомиться моих земляков.

С коммунистическим приветом,
автор
25 мая 1974 года
г. Уфа

/Н. А. Шерственников/

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Далеко назад отошли времена, когда свершилась Большая Октябрьская Социалистическая революция и образовался Великий Союз Советских Социалистических республик. Всё ярче и убедительнее пылает в воспоминаниях минувшая эпоха создававшейся новой советской жизни всех народов нашей Родины.

Мы, выходцы из разных слоёв дореволюционной России, не оставались в стороне от происходивших революционных событий, были не только свидетелями, но и участниками строительства социализма вместе с рабочими и крестьянами под руководством Коммунистической партии и Советской власти. Мы считаем своим счастьем и гордимся, что воспитывались и вооружались идеями великого марксистско-ленинистского учения и пользовались всенародным опытом движения вперёд, к социализму.

В дни славного юбилея, торжественно отмечавшегося в заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета РСФСР, в нашем сознании глубоко всколыхнулись все пролетевшие годы, захотелось обозреть, восстановить, в чём проходило твоё формирование и каким было участие в претворении идей научного социализма в сближении и общении с трудящимися, в разъяснении их в процессе профессиональной медицинской деятельности.

Если в студенческие 1917-1922 годы мы постепенно формировались идеологически, то в последовавшие полвека мы неослабно и повседневно вели политико-просветительную разъяснительную работу среди населения, без которой нельзя было обходиться при движении вперед к социализму.

Я, благодаря заботливому воспитанию и оказываемому доверию со стороны партийных, советских и общественных организаций гг. Уржума, Иванова, Москвы, Уфы, смог вооружаться идейно, заниматься политико-просветительной пропагандой среди трудящихся в течение всех лет минувшего полувека, чему посвятил свой очерк, окончанный накануне обмена партийных билетов. Мое искреннее и скромное желание, сыновнему поделиться со своей родной партией тем, чем смог помогать ей и всему советскому народу в развитии замечательной советской действительности, достигшей такой недостижимой высоты в настоящее время.

Автор.

Май 1973 года.

ПОЛУВЕКОВАЯ ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

/1923-1972 годы/.

1. Введение

Неизгладимы из памяти впечатления, отложившиеся с детских лет, о жизни своих односельчан, марийцев по национальности, в соседстве с которыми протекало начало моей жизни до 9,5 лет.

Последовавшая ранняя жизнь на стороне от семьи в интернатах духовного училища и духовной семинарии (1909-1917 гг.), а также самостоятельная жизнь в студенческие годы в Казани, где учился на медицинском факультете в университете с 1917 по 1922 годы проходили в тесном общении с множеством людей, в сотрудничестве и посильной взаимопомощи с ними, когда постоянная нуждаемость в годы Первой мировой войны, гражданской войны, не могли быть преодолеваемы личными усилиями или заботами, без поддержки других людей.

Поэтому, как позволяет память, восстанавливается поступательное движение вперед в жизни в условиях развития общественной жизни в предреволюционные и революционные годы, которые определили курс всей личной сознательной жизни больше чем за полвека.

Невольно вспоминается и оценивается теперь то доверие, которое проявлялось ко мне со стороны товарищей по интернату в духовных училищах и семинарии, с которыми общался восемь лет в г. Нолинске и г. Вятке. Это доверие выражалось в товарищеских поручениях в интересах коллектива нашего класса, не минуя участливости и заботы о тех, кто нуждался материально и кто оказывался под взысканиями, угрожавшими дальнейшему продолжению образования.

В те годы формировалась черта – углублённо разбираться во многих житейских фактах и событиях, анализировать их, делать свои суждения и выводы и делиться ими со своими товарищами-одноклассниками, хотя все они несколько старше были меня по возрасту. Еще живее и шире стал интерес, когда началось получение информации из газет и журналов о событиях в стране и за границей. Очень ярко пробуждалось любопытство к общественной жизни, когда начал трудовую жизнь, получив место для работы в Орловской уездной земской управе в 1916 году, где жили родители и испытывались большие материальные затруднения.

Я, подросток, оказался в общении со многими взрослыми, опытными и образованными людьми совсем иного профиля, с людьми той среды, в которой я пребывал, обучаясь в духовных учебных заведениях «известного» направления.

С каждым юношеским годом крепло самостоятельное мышление и вникание в отношения, складывавшиеся с окружающими людьми. Особенным по значимости оказался 1917 год. С конца 1916 года я вторично работал в управе и к этому времени располагал немалыми информациями о затянувшейся бессмысленной мировой войне и о назревании революции в стране. Февральскую революцию воспринял как неизбежно совершавшийся поворот в жизни всей страны и вскоре сделал для себя решительный вывод – как закончу весной 4-й общеобразовательный класс, так выйду из семинарии и не буду учиться в старших богословских классах, к чему провел подготовку своих родителей (требовалось их согласие на выход из семинарии).

Обстановка в стране между двумя революциями заметно осложнялась в связи с обострившейся классовой борьбой и непростым делом было отправиться на сторону, в Казань, куда были направлены заявление и документы для поступления в университет.

В конце июня в г. Орлов приехал солдат-большевик по поручению РСДРП(б) проводить разъяснительную работу. Присутствуя на митинге и слушая его правдивую информацию о борьбе рабочих и солдат под руководством партии большевиков, впервые прослушав биографические сведения о вожде В. И. Ленине, возглавлявшем из подпольного положения движением к свершению новой революции и завоеванию власти Советами, я несколько глубже стал понимать все происходившее в стране, и в таком выжидательном настроении – «что-то должно случиться важное» – отправился на учебу в Казань 18 сентября, откуда поступило извещение о зачислении на медицинский факультет.

Начиная с первых дней пребывания на новом месте для меня, в Казани, я оказался наблюдателем нараставшей классовой борьбы, – становилось очевидным приближение большого революционного взрыва. В студенческой среде, состоявшей в абсолютном большинстве из поросли буржуазных слоев населения, имелась налицо обострявшаяся борьба разных группировок, что сказывалось на прохождении выборов старост на курсах и создававшегося впервые совета студенческих депутатов. Мне было несколько легче определить свой курс, чем ряду моих товарищей, потому что более проникновенно и перспективно смотрел в грядущие события и в некотором отношении старался удержать своих товарищей от их легкомысленных суждений, разъясняя им происходившее в Казани и основное направление борьбы революционных сил

за новое будущее. К моему удовлетворению, товарищи после происходивших взаимных дискуссий склонялись к моим выводам и придерживались одной тактики в те дни, когда свершался революционный переворот, происходило рождение новой Советской власти и начались первые шаги советского строительства. Некоторые из товарищей вскоре нашли себе применение в качестве служащих в новых советских учреждениях, нуждавшихся в грамотных людях.

Студенческие годы совпали с большими политическими событиями. В Казани в феврале 1918 года была контрреволюционная вспышка. Летом Казань временно была занята белогвардейскими бандами, в сентябре она была освобождена Красной армией. Мы, иногородние студенты, были в своих губерниях, когда Казань переживала черные дни под белогвардейским произволом. Но когда вернулись на учебу в октябре-декабре 1918 года, почти все устроились на работу в советские учреждения, куда нас охотно принимали и нам осмотрительно доверяли. Мне было легче, так как я уже имел опыт работы в учреждениях несколько лет и, в частности, за период с июля по декабрь в советских учреждениях – в Зыковском райвоенкомате и в Орловском упродкоме – в качестве делопроизводителя и прошел проверку на деле, о чем имелись соответствующие отзывы руководителей-большевиков, от которых было получено много полезных наставлений и разъяснений политического характера и идейного содержания.

В стенах университета с нами не велось идейно-политического воспитания, зато, работая в советских учреждениях, мы были членами коллектива, состояли членами профсоюза и повседневно практически приобщались к новой советской общественной жизни – в ней идейно вооружались и посильно участвовали в развертывавшихся мероприятиях в каждом учрежденческом коллективе. Мы ощущали новизну жизни и видели, какое место в ней принадлежит самодеятельности самих советских людей.

Таим образом, обучение на старших курсах для нас проходило сначала в работе, а потом в учебе, а главное, мы набирались укрепления в своем идеологическом советском мировоззрении и еще серьезнее думали о предстоявшей самостоятельной будущей врачебной работе, которая ждала нас после окончания университета.

В университетские годы мы постепенно включались в разъяснительную работу как в своей среде, так и среди населения, вооружаясь кое-какими навыками. Это же проявлялось при обсуждении разных вопросов в курсовом коллективе и на факультете. Так или иначе, мне, курсовому активисту, одному из старост, часто приходилось пользоваться словами в разных и нужных выступлениях академического и общественного значения. Несомненно, это подготовило умение выступать перед людьми, но почти всегда с ощущением стеснительности и некоторой скованности.

2. Жизненная необходимость пропаганды и первые шаги.

6 июля 1922 года мы получили дипломы врачей, и перед нами открылся путь в большую самостоятельную жизнь.

Никогда не забудутся двадцатые годы – первые годы самостоятельной работы и полного вхождения в жизнь. После краткосрочной работы в холерном бараке на реке Каме и на одной из кафедр медицинского факультета, к концу 1922 года определилось место для постоянной работы. Им оказался родной уезд Уржумский Вятской губернии, в котором пребывал около 12 лет.

На студенческой скамье лелеялась мысль посвятить себя хирургической деятельности, к которой тщательно готовился, но жизнь внесла поправку, и очень скоро.

Уржумские руководители организации в январе 1923 года предложили мне, молодому врачу, занять должность уездного санитарного врача в соответствии с декретом Совнаркома РСФСР от 15 сентября 1922 года, подписанного В. И. Лениным об организации санитарных органов республики. О декрете до этого времени я представления не имел, а еще хуже – был очень слабо подготовлен на факультете для такой работы. Уезд переживал тяжелое неблагополучие от постоянных вспышек острых инфекционных заболеваний и большого распространения социальных болезней. Отказаться от предложения местных органов власти я не решился и дал согласие, надеясь получать поддержку во всех первых начинаниях с их стороны. Почти одновременно было предложено познакомиться с состоянием здоровья и быта детских домов в городе, в которых нашли государственную опеку (получало) свыше 500 детей-сирот, и двух домов ребенка с наличием до 80 детей-сирот.

Срочная необходимость приступить к исполнению обязанностей и поручений вызвала массу волнений, и первые действия велись в буквальном смысле ощупью. Стало совершенно ясно, что новая роль непосильна воле и силам одного человека – меня как врача – и что потребуется большая организованная помощь всех медицинских работников, широкой общественности и самого населения, т. е. надо было учиться вести разъяснения, получать советы, решать совместно с разными людьми массу возникавших вопросов в совершенно новом для врача деле.

1923 год от начала и до конца вошел особым в трудовой путь врача, когда пришлось справляться с организацией ряда неотложных мероприятий при вовлечении и содействии общественности. В этом процессе постоянно требовалась большая разъяснительная и инструктивная деятельность, для которой нужно было вооружаться в процессе работы. Теоретическими источниками для овладения методикой просвещения и пропаганды послужили указания В. И. Ленина о необходимости ведения агитации

и пропаганды в тесной связи с практикой хозяйственного и культурного строительства, а также имевшиеся рекомендации по организации санитарного просвещения в выходивших журналах: бюллетени Наркомздрава РСФСР и в других.

Почином разъяснительной работы были выступления перед питомцами детских домов в январе и феврале того года. Молодой врач был огорчен и встревожен массовым поражением детей туберкулезом, сифилисом, трахомой и разными болезнями, а также окружавшими детей антисанитарными условиями быта. Он считал, что прежде всего надо было преодолеть отчужденность и замкнутость детей добрым подходом и словом, суметь расположить детей к намечаемым мероприятиям для улучшения жизни детей и здоровья, снискать их доверие и склонить самих детей к участию в борьбе за здоровый быт в детских домах и привитию санитарно-гигиенических навыков в поведении.

Непросто было вовлечь детей в самодеятельность. Несколько раз собеседования пробудили любознательность и доверие детей к словам дяди Коли, как было принято именовать посещавшего детские дома врача.

В детских домах происходил сложный процесс перестройки. Сменялись и заменялись воспитательницы, няни, обслуживающие люди, вместо нерадивых и бессердечных людей подбирались женотделом Укома РКП(б) (тов. А. В. Медведевой) доброжелательные и располагавшие к себе детей новые люди и развертывались одновременно широкие оздоровительные мероприятия в соответствии со специальной санитарной инструкцией, разработанной санитарным врачом и одобренной уисполкомом. С каждой неделей заметно улучшалась обстановка в детских домах и росло желание и участие детей навести уют и порядок в своих комнатах, спальнях, всюду. Во всех домах появились группы и звенья пионерских организаций, которые вплотную занимались развитием самодеятельности детей. Целеустремленной и содержательной становилась воспитательная работа персонала, в которой постоянно принимал участие врач, что повышало полное взаимопонимание в решении стоявших задач.

Было отрадным и радостным видеть, как выделенные в особые дома больные дети охотно лечились (с туберкулезом, сифилисом), и как организованно ходили в поликлинику на лечение все нуждавшиеся больные и как усердно дети боролись за чистоту и порядок в своих домах. Большую трудовую деятельность вели повзрослевшие дети – они старательно чинили и шили белье и одежду, вязали чулки и варежки, чинили обувь, причем не были забываемы дошкольного возраста дети, о них заботливо пеклись дети старшие.

Особенно радостным был праздник детей 1 мая 1923 года. Во всех детских домах были проведены торжественные вечера с художественными развлечениями, подготовленными самими детьми, и незабываемым осталось для них участие в первомайской демонстрации, когда они шли во главе колонны здоровые, приодетые и весело распевали песни. Уржумцы были поражены происшедшей переменой детей, которых годом раньше они привыкли видеть заброшенными, беспризорными и совершавшими разные неблагоприятные поступки.

Мне, как врачу, стало ясным, к какому практическому результату свелись многочисленные собеседования, осмотры, пособия, проводившиеся изо дня в день среди детей в детских домах при полном понимании намерений врача и детьми, и воспитателями.

Таким остался в памяти почин применения убедительного слова для вооружения детей необходимыми сведениями для сохранения здоровья и радостной жизни.

Выполнявшиеся обязанности по должности санитарного врача повседневно переплетались с медицинским обслуживанием детского отделения больницы, детей домов ребенка и детских домов, а также с безотказным удовлетворением просьб по оказанию помощи заболевшим детям в семьях жителей г. Уржума. Стало очевидным, что молодой врач занимался самыми жизненными делами – наводил санитарный порядок и заботился о здоровье детей – что быстро повышало доверие к нему и обращаемость к нему с разными вопросами.

Так, задолго до дня 8 марта к нему обратилась женорг А. В. Медведева с просьбой подготовить лекцию для женского актива по охране материнства, младенчества и детства, а также статью для уездной газеты «Красный пахарь» на ту же тему. Я сначала отказывался, ибо считал совершенно не готовым и малоосведомленным в этом вопросе, но настойчивость тов. Медведевой побудила согласиться, и мне пришлось немало потрудиться, чтобы выполнить принятое предложение.

Никогда не забудутся волнения, с которыми я шел 5 марта читать лекцию женскому активу (публичную). Собралось свыше 60 женщин, и все старше по возрасту лектора и с семейным и житейским опытом. Я с напряжением всего своего внимания, с робостью начал лекцию, чувствовал, как трудно оформляются фразы, раскрывавшие положение за положением предусмотренные планом лекции. Оформлением всей лекции я остался недовольным, но женщины ее оценили выше, что можно было судить по тем посыпавшимся вопросам, с которыми они обращались и чем помогли войти лектору

в более спокойное состояние и собранно отвечать на вопросы. Так прошла первая лекция, которая была настоящим уроком для последующих повторных выступлений перед массами людей.

Тут же организатор А. В. Медведева попросила эту лекцию повторить в день 8 марта в народном доме перед художественной постановкой, где ожидался сбор свыше 300 женщин. Я согласился и после три дня ходил во взволнованном ожидании – справлюсь ли с предстоящим выступлением – и продолжал готовиться и репетироваться к оформлению выступления.

8 марта в 7 часов вечера я в невзрачной внешней экипировке (в военных гимнастерке, шароварах, ботинках с обмотками поношенного вида) предстал на эстраде сцены перед сидевшими в затемненном зале сотнями женщин и почувствовал, что теряюсь, все затуманилось в глазах. Но лекцию начал достаточно громко и с ускоренным речитативом, раскрывавшим положения лекции. Так она была доведена до конца за 35-40 минут, чем был крайне огорчен, казалось, что я прочитал очень плохо – недоговорчиво и скороговоркой и, конечно, разочаровал слушателей. Чувство неудовлетворенности было так сильно, что я, немедля накинув шинель и шапку, выбежал из народного дома, избежав встреч с кем-либо из прослушавших выступление. В пути и дома я многократно упрекнул себя, что взялся за непосильное для себя дело, которое позорно провалил.

На другой день я вышел на работу с неприятным осадком в душе, что в какой-то мере отражалось на моем лице. И первое замечание, которое я получил, было: «Куда ты убежал после лекции? Тебя искали слушатели, хотели отблагодарить за интересное выступление и нигде тебя не нашли». Другие говорили – напрасно волновались и торопились излагать, а в общем – одобряли. Поскольку высказывания были сделаны рядом лиц, то это в некоторой степени ослабило мое мнение о неудачности-провале и настроило меня на будущее – надо овладевать выдержкой лектора для выступлений в любых условиях и перед разным составом слушателей.

Появившаяся статья в газете «Красный пахарь» была воспринята читателями и медицинскими работниками с одобрением, что окрылило на будущее.

Санитарному врачу из уезда поступали часто тревожные сигналы о появлении разных инфекционных заболеваний – тифов, натуральной оспы, детских болезней и др. Нужны были выезды для обследования очагов, выявления источников инфекций и принятия срочных мер. Опыт, знаниями и какой-либо особой вооруженностью санврач

не располагал, исключая нескольких вакцин, сывороток, приборов и средств для дезинфекции.

Санврач понимал, что нужны действия, могущие оградить от опасности людей, и в этом случае он признавал, что помочь могут сами жители, и что с ними нужно вступать в тесное общение – разъяснять обстановку и бороться своими силами за улучшение условий быта, жизни. Во всех деревнях, куда наезжал санитарный врач, проводились им беседы, лекции и шли разговоры о конкретных мерах, которые трудящиеся должны проводить совместно с местными медицинскими работниками, которых в уезде было крайне мало при слабой сети медицинских пунктов и больниц на двухсоттысячное население уезда.

Мне вспоминается, как тепло и признательно содействовало население во всех проводившихся мною мероприятиях на месте. Русские и марийцы живо откликались на призывы врача и охотно чистили и наводили порядок в своих жилищах, являлись и несли своих детей на осмотры, прививки и т. п. Врач обходил все дома, где, по указаниям жителей, имелись больные, что еще более ценилось ими. Товарищеские беседы с жителями, проходившие по два-три и больше часов сподряд, становились основной формой общения и разъяснительных наставлений, что постепенно приобретало более совершенное качество. Особенно приятным было видеть результаты практических успехов, когда совершалась повторная проверка очагов инфекций.

В конце мая уздрав меня направил на открытие нового фельдшерского пункта, открывавшегося по инициативе местных жителей на кооперативные средства и самообложение (с. Байса). Жители своими руками отремонтировали здание (бывший дом для священника), изготовили нужную мебель и шкафы и взяли на свое содержание фельдшера на первое время, а уздрав подыскал кандидата на эту должность и отпустил нужное медицинское имущество и медикаменты. На открытие съехалось много (до 300) крестьян из села и окрестных деревень и почти треть из них были марийцы. Мне выпала доля быть в числе ведущих товарищей из сельсоветов и кооперации и сказать слово о благородстве, проявленном самими жителями в открытии и создании медицинского пункта в одном из обездоленных уголков уезда, находящемся от ближайшей больницы в 25 километрах, а также сказать о многих и возможных профилактических мероприятиях при участии населения, в частности, по борьбе с трахомой, которая была широко распространена во всех селениях. Я был выслушан с большим вниманием и встретил исключительную поддержку со стороны выступавших на открытии местных руководителей и рядовых жителей. Это явилось новым стимулом к тому, чтобы, действуя в духе

ленинских указаний, как можно больше и глубже встречаться с жителями и совместно с ними проводить оздоровительные и медицинские мероприятия во всем уезде.

15-17 июня в стране проводился трехдневник по борьбе с туберкулезом. Мне уздравом было предложено возглавить комиссию и подготовить план мероприятий в дни трехдневника. Комиссия в течение двух недель провела свою работу и поручила мне подготовить для выступления лекцию, статью в газету и провести массовое гуляние в дни трехдневника в городском общественном саду.

Все члены комиссии выполняли свои поручения. Лекция была подготовлена и прочитана в помещении спортивного клуба собравшимся гражданам города в числе до двухсот слушателей. На этот раз, несмотря на продолжительность лекции (с перерывом – до двух часов), я справился лучше, чем в марте, что говорило о приобретающемся навыке к выступлениям. Большая статья была отпечатана в двух смежных номерах газеты «Красный пахарь» и послужила материалом для выступлений медицинских работников в деревнях-селах уезда.

Общественное гуляние, в котором деятельное участие приняла не только комиссия, но и профсоюзные организации, привлекло до 1500 гуляющих. Был организован митинг с выступлениями о целях и задачах трехдневника, были художественные выступления и проведен аукцион продажи цветов. За счет входных билетов и аукциона было собрано немало средств в фонд борьбы с туберкулезом – в банк было внесено свыше ста рублей в червонной валюте, начавшейся в том году. Санитарному врачу трехдневник придавал еще больше уверенности в сближении с общественными организациями при решении многих очередных вопросов здравоохранения в уезде и в городе.

Уржумские руководящие организации проявляли мне все больше и больше доверия, положительно оценивая выполнявшиеся мною мероприятия и поручения.

Предстояло освобождение от должности заведующего уздравом коммуниста П. Д. Бельтюкова (по профессии водолива, с начальным образованием). Мне было поручено подготовить выступление «*О состоянии и задачах здравоохранения в уезде на 1923/24 бюджетный год*» на расширенном пленуме Уисполкома, состоявшегося в начале октября. В своем выступлении на пленуме я высказал некоторые критические суждения в адрес уездных руководящих организаций, которые были восприняты с одобрением рядом членов пленума и поддержаны ими. Мне было радостно, что поддерживали делегаты-коммунисты.

В октябре было закончено с реорганизацией отделов уисполкома в общий отдел, и вместо бывших отделов сформированы подотделы с сокращенным числом должностей. По подотделу здравоохранения рекомендовалось иметь руководителя с медицинским образованием (врача), уисполком выдвинул на руководство подотделом мою кандидатуру. С вступлением в должность заведующего легли на меня по положениям обязанности руководителя секции здравоохранения Уржумского горсовета и председателя страхового рабочего совещания, занимавшегося улучшением медицинского обслуживания застрахованных не только за счет средств бюджета, но и дополнительных средств по социальному страхованию (фонд «г»).

Новые обязанности требовали и новых навыков. Приходилось часто составлять доклады для выступлений на разных съездах, собраниях, совещаниях, в которых доказывать, обосновывать и в то же время разъяснять о существовавших нуждах в здравоохранении. Нужно было много выискивать обоснований из разных существовавших сборников с постановлениями и указаниями советских и профсоюзных центральных органов, то есть выдерживать политическую линию партии и правительства в здравоохранении. Все это побуждало глубоко вникать и чувствовать свою ответственность за намечаемые и проводимые мероприятия. В этом направлении я встречал широкую помощь и направление в работе со стороны руководителей укома партии, уисполкома, профсовета и других. Такое практическое общение становилось школой для освоения организационных и административных навыками, а также проведения агитационно-разъяснительной работы среди трудящихся.

Несомненно, я заметно рос и политически-идеологически, и практически, повышая свои инициативу и активность в расширении мероприятий здравоохранения в уезде.

В подтверждение этого вспоминаю довольно трудный случай из работы в 1923 году, о котором целесообразно рассказать подробно.

Меня как санврача глубоко встревожило, что в Деяновском сельсовете, населенном старообрядцами, эндемически держится натуральная оспа, и что жители не пускают к себе медицинских работников и предупреждают угрозами. Никто из медицинских работников не решался поехать в Деяновский сельсовет в течение многих лет. А я решил выехать в дер. Деяново и провести там работу. Въехал в начале декабря с намерением задержаться на неделю в Деяновском сельсовете.

По приезде в деревню, я в первую очередь зашел в школу, осмотрел помещение и бегло – внешний облик детей. В классах было достаточно чисто, а вот дети оставляли жалкое впечатление **шадровитостью** лиц, бельмами и помутнениями роговых оболоч-

чек глаз с потерей или снижением зрения. Это были бесспорные доказательства перенесенной ими натуральной оспы.

Из школы я пошел к старейшине – верховоду старообрядцев – познакомиться и побеседовать о своем намерении провести прививки среди жителей большой деревни. Встреча и собеседование заняли около двух часов не только с самим старейшиной, но и оказавшимися в его доме еще двумя стариками деревни. Все обошлось вполне успешно – мои разъяснения и намерения были поняты и собеседники сказали: *«Делайте, доктор, прививки, мы препятствовать не будем»*.

Начиная с первого дня, я ежедневно проводил с жителями беседы, а днем прививал детей и желающих взрослых, а также осматривал больных и давал советы. Заметно повышалось внимание жителей к врачу, число прививок росло и превысило за 5 дней 150, и повышалось число жителей, приходивших на беседы, и больных за советами. Лишь 5-6 семей из всей деревни уклонились от общения с врачом и от прививок.

После проведенной успешно работы я зашел к старейшине, рассказал ему обо всей своей выполненной работе, и мы дружески распрощались. В конце он сказал: *«Посылайте прививалок, пусть не боятся нас, а вы не беспокойтесь о нас, у вас много дел в городе... Народ вами остался доволен»*.

В результате я испытывал особое удовлетворение с удачно осуществленным нужным делом и еще раз убедился, как прямой подход и доброе слово могут содействовать организации светлой жизни и рассеиванию невежества, суеверности и предрассудков среди жителей уезда.

Работа в Деяново внесла в мой опыт пропагандиста существенные навыки по популяризации медицинских, гигиенических и политических знаний, которые умножались и совершенствовались во всей последующей моей работе в Уржумском уезде-районе.

1924-й год вошел в мою жизнь в связи с разными событиями исключительным по ускоренному обогащению навыками и самостоятельности во всех сторонах проводившейся деятельности.

Советский народ невыразимо горестно пережил смерть вождя революции и советского народа В. И. Ленина. Многие рабочие и крестьяне, в том числе и у нас в Уржумском уезде, вступали в ряды партии. Мне, беспартийному, доходили во всей остроте задачи, выдвинутые XIII съездом РКП(б), я глубоко изучал их с тем, чтобы преломлять в своей практической работе.

В конце мая и начале июня 1924 года в Вятке состоялось 3-е медико-санитарное совещание работников здравоохранения губернии. До созыва его мне пришлось составить аналитический обзор состояния здравоохранения в уезде, имевшихся медицинских кадров и **выпятить** очередные неотложные нужды для улучшения медицинского обслуживания трудящихся и застрахованных.

На совещании я был введен в президиум, несколько раз выступал по докладам и делал сам сообщение, встречал большую поддержку съехавшихся делегатов, а 3 июня меня избрали единственным делегатом от губернии на 5-й Всероссийский съезд здравотделов.

25-30 июня я провел в Москве на съезде. Мною виделось и слушалось многое впервые, что побуждало брать многое интересное и полезное для своего идейного обогащения и продолжения работы на периферии. На съезде я решился выступить по докладу наркома здравоохранения Н. А. Семашко, что посчитал для себя излишней смелостью. Выступлением я был не удовлетворен, но вот Н. А. Семашко, увидев меня в фойе в перерыв, подзвал к себе и сказал: *«Молодой человек, впредь – так же отстаивайте свое мнение, как это сделали сегодня».*

Пребывание на съезде для меня было многозначительным. Я познал политику здравоохранения, основы социально-гигиенического подхода; и то, и другое меня окончательно утвердили в избранном санитарно-профилактическом направлении работы на фронте здравоохранения – генеральной линии советского здравоохранения. В Уржум я возвращался со свежим и вдохновленным настроением – решительно проводить в жизнь решения 5-го съезда здравотделов. По приезде срочно провел совещания работников здравоохранения, а после, объезжая сельские больницы и медицинские пункты, везде подробно информировал о материалах съезда и о задачах, выдвинутых перед нами, которые надо осуществлять безотлагательно. Я почувствовал рост в себе принципиальности и решимости, более четко строил свои выступления и оформлял их в полном единстве и связи с задачами партийного и советского строительства. Мне было ясно, что медицинские работники правильно понимают, охотно и активно помогают ориентировать их в организационной и медицинской работе и считают с некоторым небольшим моим опытом (все они по возрасту были старше меня).

Вторая половина 1924 года протекала гораздо напряженнее, содержательнее и интереснее.

Уездная профсоюзная конференция «Всемирмедикосантруд» серьезно восприняла мой доклад о здравоохранении в уезде и избрала меня в пленум и президиум уездной профсоюзной организации членом. Тогда же состоялось оформление уездной добро-

вольной красноармейской организации, которой я был избран возглавить в качестве председателя Комитета.

Новые общественные полномочия значительно расширяли поле деятельности и конечно потребовали немало дополнительного времени на организационную и просветительную работу.

Жизнь шла и выдвигала новые требования. Обезыезды сопровождались посещением школ и беглым знакомством с состоянием здоровья детей, где имелась высокая заболеваемость учащихся многими вульгарными, а также и инфекционными заболеваниями. Требовалась неотложная организация борьбы за благополучие детей. К этому же склонили медицинские осмотры учащихся уржумских учебных заведений, проводившиеся мною в 1923/24 учебном году, – средней школы им. В. И. Ленина, педагогического техникума, профтехнического училища и нескольких начальных школ.

Установившаяся связь с подотделом народного образования натолкнула меня на мысль организованно привлекать к оздоровительной работе среди детей-учащихся учителей сельских школ. Я обратился в УОНО с просьбой включить в программу очередной учительской конференции мой доклад **«Роль учителя в охране здоровья детей»**. Сначала УОНО уклончиво отнеслось к моему предложению, считая повестку конференции перегруженной вопросами педагогической работы, но потом, после моей настойчивости, согласилось. На конференции учителя встретили меня доброжелательно и с большим вниманием вслушивались в мои слова, что увлекло меня, и я несколько передержал предоставленное мне время для выступления (около 40 минут вместо 30), а после окончания доклада я был забросан вопросами, которых хватило заполнить почти час времени. Руководители конференции были поражены проявленной заинтересованностью учителей к затронутому мною вопросу. С того дня, можно сказать, санитарная организация приобрела себе крепкого союзника в лице сельских учителей в проведении многих оздоровительных мероприятий не только среди детей, но и среди всего сельского населения. Особенно большое участие было учителей в санитарном просвещении и привитии населению личных и бытовых здоровых навыков.

После учительской конференции был проведен инструктаж фельдшеров всех сельских медпунктов и больниц, которыми в то время оказывалась медицинская помощь населению (врачей почти не было), и фельдшера стали планомерно обследовать школы и проводить медицинские осмотры детей дважды в год, осенью и весной (в сен-

тябре и в марте) и включились в санитарное просвещение среди детей (два-три раза в год).

Мною, обслуживавшим средние учебные заведения г. Уржума, было принято с согласия заведующих выступать с информацией на педагогических советах о состоянии здоровья учащихся, выявленном при медицинском осмотре. Это нововведение было воспринято с большим интересом и одобрением коллективов педагогов. Учителя не только выслушивали, но стали заботиться и помогать больным и ослабленным учащимся, чем ускоряли восстановление здоровья детей. Этот опыт был распространяем в сельские школы через пунктовых фельдшеров и учителей, что было поддерживаемо с большим желанием.

Содружественная и направленная работа медиков и педагогов заметно улучшала санитарный порядок в школах, улучшала здоровье детей и вооружала их полезными навыками для сохранения их жизни.

Несмотря на свою неопытность в санитарном деле, я еще в 1923 году поступал правильно, что стал знакомиться с бытом и трудом жителей Уржума. По моей инициативе и одобрении городского совета летом и осенью были обследованы все домовладения города с заполнением на них жилищно-коммунальных карт силами квартальных уполномоченных и активом профсоюзной организации. Собранные материалы основательно были проанализированы санитарным врачом и дали безотрадную характеристику санитарных условий города. В половине домовладений не существовало дворовых уборных и мусорных ям, и в большинстве из имевшихся они были в запущенном-неприглядном состоянии.

Почти одновременно по инициативе женотдела, при участии и помощи санитарного врача было проведено женщинами-активистками обследование города в семейно-бытовом и общественно-полезном положении.

Материалы того и другого обследований очень хорошо помогли проведению ряда нужных мероприятий с развертыванием предварительно разъяснительной работы среди заинтересованных групп населения. Прочитанные десятки лекций и беседований в кварталах с жителями и подворные обходы основательно всколыхнули домовладельцев заняться санитарным благоустройством своих владений, обогащая их необходимыми санитарными установками и приводя в порядок существовавшие. Значительное упорядочение было внесено в содержание частных и коммунальных колодцев, являвшихся основными источниками водоснабжения.

Осенью 1924 года женотделом в помещении профсоюзов была организована краткосрочная открытая школа для женщин, в которой раз в неделю велись по два-три часа лекции по гигиене женщины, по вопросам охраны материнства, младенчества и детства. Женщины охотно поддержали это мероприятие, число слушательниц росло с 60-70 в начале до 150-170 к концу чтения намеченных планом лекций. Надо сказать, это увеличило число желавших женщин помогать налаживанию дела во всех детских учреждениях и школах города, а также готовиться к учреждению в городе медицинской службы для детей.

Систематически проводившаяся пропаганда (3-4 выступления в неделю, во внеурочное от работы часы, по вечерам) в разных аудиториях и с разными группами жителей убеждала, насколько остра жажда жителей в полезных сведениях, наставлениях, советах и велико их желание оздоравливать условия своей жизни – быта и труда.

Население положительно одабривало и поддерживало санитарного врача, и оно выразило ему свое особое доверие тем, что выдвинуло на одном из участков от неорганизованных избирателей его кандидатом и избрало депутатом Городского совета, хотя в списке рекомендованных кандидатов он не значился. Мною это было воспринято как особое доверие жителей, видевших своими глазами, за какие жизненные стороны я взялся на первых порах своей работы в санитарной деятельности.

В ноябре 1924 года приехал из г. Вятки инспектор охраны труда для обследования условий труда и быта лесорубов. Он пригласил меня как санврача проехать лесозаготовки, чтобы совместно дать свое заключение о санитарных условиях, в которых пребывают лесорубы. То, что мы увидели, следует об этом написать, не сгущая красок.

В сопровождении представителя леспромхоза мы на рассвете приехали на одну лесную поляну, на которой чуть-чуть возвышались заваленные снегом сооружения с дымившими небольшими трубами. Из одного сооружения, к которому мы подошли, в углублении сугроба снега открылась небольшая дверка, и оттуда выползли два-три человека трудно определяемой расы. Они выразительно смотрели на нас, поблескивая белками глаз и зубами на фоне чумазных лиц. На свежем воздухе они долго откашливались и сплевывали на снег накопившуюся во рту копоть, горстями снега протирали свои лица от густого слоя сажи и их лица принимали свой настоящий вид. Оказалось, эти сооружения с присвоенным им наименованием «чадовок» появились еще в царское время – так заботились о лесорубах частные лесопромышленники.

Мы вошли в одну из чадовок, и увидели в центре земляной вал, забранный жердями, на котором круглосуточно горели плахи, а дым вытягивался через отверстия в потолке выведенными наружу трубами. Вдоль боковых и задней стены были земляные нары шириной до трех метров с разбросанной по ним соломой и ветвями, на которых размещались поперек лесорубы, имея минимальную площадь, чтобы можно было спать вповалку и в головах хранить мешки с провизией и другим скарбом. Каждый лесоруб пользовался очагом – кипятить воду, сварить или запечь картошку, кашу, похлебку. Было полное себяобслуживание, так как никаких очагов общественного питания не было. Мы обошли несколько чадовок, в которых проживало свыше двухсот лесорубов, попутно беседовали с рабочими – крестьянами из окрестных и дальних деревень – и выслушали все горести, в которых им приходится жить и отдыхать после тяжелой физической работы по валке и разделке древесины, вывозке ее. Когда мы вышли из чадовок и посмотрели друг на друга, заметили, что наши лица стали совсем потемневшими от копоти чадовок, а во рту першило от осевшей в нем сажи.

Так неприглядно вырисовывался быт рабочих на лесозаготовках на всех участках Уржумского уезда в 1924 году.

С тревожными впечатлениями мы вернулись в Уржум. По приезде мы, не медля, провели совещание в леспромхозе, познакомили с материалами обследования и предложениями, сводившимися к срочному строительству жилых бараков, столовых для лесорубов, и других сооружений – бань, мадпунктов, хлебопекарен и т. д.

С той незабываемой экспедиции по лесам моя забота о рабочих лесозаготовок и лесосплава стала основной, которой ежегодно уделялось много внимания. Повысилась требовательность к хозяйственникам, и велась большая разносторонняя культурно-массовая просветительная работа с рабочими. До 40 дней уходило на обследования всех лесоучастков и лесопристаней, и попутно читались десятки лекций, велись собеседования с рабочими, которыми являлись крестьяне нашего же уезда, и со многими из них часто приходилось встречаться в деревнях, при разъездах, вызывавшихся разными санитарными случаями.

В конце декабря в Уржум прибыл заведующий губздравом врач И. А. Тер-Даниельян, выполнявший по заданию губкома РКП(б) ряд партийных и советских дел. За неделю пребывания он находил время знакомиться с учреждениями здравоохранения, для бесед с врачами и со мною. Врача Тер-Даниельяна я знал с 1915 года, когда он был военным врачом, а он меня знал с 1921 года, когда он, будучи заведующим

Халтуринским уздавом, поручил мне как зауряд-врачу поработать в летнее время в детской больнице Халтурина.

Обходя с ним дома ребенка, детские дома, детское отделение больницы, а также больницу, мы имели большую возможность обмениваться мнениями и суждениями по разным вопросам, и я с большим удовлетворением воспринимал полезные его советы. Мне было дорого его одобрение проводившейся мною широкой деятельности, и особенно он ободрил своим выводом о хорошем санитарном состоянии детских учреждений города, обслуживавшихся мною как врачом. Он говорил, что они лучше выглядят, чем в самой Вятке, и даже отметил, что у детей ниже заболеваемость и смертность. Прощаясь, он сказал, что скоро мы вас отправим в Москву на краткосрочные курсы усовершенствования санитарных врачей, что подтвердилось – 15 января 1925 года я был уже на курсах.

Таким образом, 1924 год был для меня трудным, но зато серьезной проверкой на деле. В результате устремлений и решений на поприще санитарной работы я убедился, насколько важной является глубокая и направленная пропаганда среди трудящихся одновременно с проведением разных санитарных мероприятий, и как она привлекает самих трудящихся к проведению массовых оздоровительных мероприятий.

Восполняю вышеизложенное еще несколькими данными за те же годы.

У меня с детских лет была большая склонность к подвижным играм, к гимнастике, а поэтому я особенно серьезно проникался к развитию физкультурного движения, начавшемся в двадцатые годы в том же Уржуме. Уржумцы еще в 1922 году организовали клуб спорта для молодежи в закрывшейся старообрядческой молельне. Существовало спортивное общество, и было несколько действующих спортивных секций по тяжелой атлетике, легкой гимнастике, стрелковой подготовке и др. Имелись инструкторы и свои тренеры, но не было врачебного наблюдения.

В 1923 году ко мне обратился уездный военком И. М. Агапинтов, чтобы я помог спортсменам своим участием как врач. Я охотно согласился, имея только врачебные общие знания и, пользуясь доступной литературой, стал вести медицинские осмотры юношей, занимавшихся в спортивных секциях, проводил с ними собеседования и распространил свое наблюдение на соревнования, проводившиеся в уездном центре,

ведя предварительные проверки здоровья спортсменов перед выступлениями и присутствуя на соревнованиях для оказания помощи. Уже тогда мне бросилось в глаза, что большинство спортсменов предаются курению табака. В своих выступлениях указывал на несовместимость занятия спортом и отравления себя табаком и алкоголем.

Возвратившись с 5-го съезда здравотделов и выполняя его решения, чтобы врачи активно участвовали в привитии гигиенических требований в массовом физкультурном и спортивном деле, взял в свою программу выступления о пользе для здоровья спорта людям всех профессий и возрастов. Одновременно я распространил свое влияние на учителей физического воспитания и физической культуры уржумских средних учебных заведений, а также на проведение физической подготовки на сборах допризывников и вневойсковиков. Мною обеспечивалась проверка учащихся и военизированной молодежи на предмет возможности или противопоказаний занятия физической подготовкой. Доброжелательность преподавателей и командиров, тренеров и самих спортсменов к моим наставлениям, указаниям и советам была вполне солидарной интересам дела.

Располагая привезенной литературой по физкультуре и спорту из Москвы, я все чаще и чаще стал выступать с лекциями среди учащихся и военизированной молодежи, и был удовлетворен серьезным интересом к ним со стороны слушателей. Кроме того, я сам не отказывался участвовать в некоторых спортивных играх – крокет, городки, волейбол, лапту и др. вместе с молодежью, чем еще больше снискал себе доверие.

Поделюсь некоторыми приятными успехами моих выступлений о вреде курения среди молодежи. Уездный комитет ЛКСМ раз обратился с просьбой, чтобы я прочитал для актива комсомола лекцию о вреде курения (апрель 1923 года). Я сначала было растерялся от такой просьбы, так как не имел достаточных сведений и пособий по этому вопросу, но все же прочитать лекцию согласился. Я много перебрал литературы, чтобы разносторонне осветить вред курения, и потом выступил перед комсомольцами, которых собралось свыше 50 человек. Не совсем стройно и последовательно читалась мною лекция, но внимательность аудитории была на высоте, что позволило мне вести лекцию в содержательном и доказательном стиле и убеждать – какой опасности они подвергают свое здоровье и стоят на пути сокращения своей жизни от вредной привычки. По окончании лекции и посыпавшихся многих вопросов аудитория выразила одобрение лектору. Я тут же поинтересовался, а сколько имеется курящих среди присутствующих путем поднятия рук. Картина была безотрадной – почти все подняли руки и подтвердили свою вредную увлеченность. Тут же сделал вызов: *«Кто из присут-*

ствующих осмелится бросить курение сегодня же и стать на здоровый путь?» и просил подойти ко мне, чтобы я при всех мог пожать руку давшему торжественное обещание. Сначала подошло двое, а потом к ним присоединилось еще 16 добровольцев – всех я их знал в лицо и пофамильно. Я ушел с лекции необычайно счастливым, что добился какого-то практического результата. После в течение 11-12 лет я встречал давших обещание воздерживаться от курения почти повседневно, они не только сдержали его, но и все вели с успехом разную полезную работу, а некоторые и довольно ответственные обязанности в разных местах, а один выбыл за пределы Уржума некурящим.

Вскоре лекции читались учащимся в учебных заведениях, нередко повторялись из года в год, что заметно снизило увлекаемость учащейся молодежи курением. Этому помогало и то, что в течение 7-8 лет я состоял врачом этих учебных заведений и, ведя медицинские осмотры (два раза в год), проверял каждого юношу и подростка не только со стороны здоровья, но и выявлял курильщиков для соответствующего на них влияния. Спустя годы и даже много лет мне приятно было видеть солидных людей, которые, встречаясь, не только узнавали меня, но и благодарили, что в молодости я убедил их беречь свое здоровье.

В том же 1924 году по инициативе Союза работников просвещения была проведена проверка здоровья почти всех учителей, работающих в уезде, причем почти все прошли через медицинскую комиссию в числе двух врачей (Г. Е. Александров и я). Все данные заносились в специальную карту медицинского освидетельствования. В результате осмотров до двадцати учителей было отобрано для отдыха в доме отдыха, несколько человек – для санитарного и кумысного лечения и немалое число для лечения у местных врачей-специалистов и протезирования зубов с некоторыми пособиями за счет средств социального страхования. Я не упустил возможность произвести анализ собранных сведений о состоянии здоровья учителей и оформил сообщение о заболеваемости учителей с наименованием болезней и с группировкой по возрасту, полу и стажу работы. Первое сообщение я сделал на собрании самих заинтересованных, т. е. учителей, в присутствии нескольких медицинских работников и дал целый ряд рекомендаций к повышению здоровья режимом в быту и в труде, использованием физкультуры и закаливания и пр. Слушатели-учителя с необычайным вниманием вслушивались в мои слова, а большинство, как это было видно, заносили пометки в свои записные тетрадки. Спустя годы многие из них видели меня, мои посещения школ в по-

рядке санитарного наблюдения и делились своими успехами в поддержании своего здоровья и задавали новые вопросы для новых наставлений.

Во всех селениях, где я проводил санитарную работу, читал жителям лекции и среди присутствующих всегда видел лица сельских учителей, которых я хорошо знал в лица и пофамильно, почти во всех школах, которых насчитывалось в районе свыше ста.

С того же года я проводил углубленные медицинские осмотры учащихся средних заведений с проведением антропометрии, строго придерживаясь существующих инструкций и всякий раз делал некоторых анализ материалов. Учащиеся охотно являлись на осмотры, почти все записывали данные антропометрии за каждый год дважды, охотно слушали мои информации состоянии здоровья и нацеленные наставления для физического совершенствования.

Мне было очень радостно, что директора и коллективы учителей учебных заведений отмечали положительное воздействие врача на учащихся, что они видели в повышении гигиенических навыков и внимании к здоровью. Это было объективным и ценным суждением.

А в связи с этим восстанавливается в памяти организация первых пионерских лагерей поблизости от Уржума, в красивом природном местечке на берегу Уржумки. Инициаторы-комсомольцы и я выбрали это место, проверили до выезда в лагерь всех пионеров и организованно отправились на освоение лагерного участка. По намеченной планировке руками самих пионеров устанавливались палатки и строились простые шалаши из подручных лесных отходов и травы, а в центре была установлена мачта для лагерного вымпела. Так на глазах вырос своеобразный временный городок (пионеров было около ста человек), который очень хорошо гармонировал с окружающей природной красотой и лелеял своим видом сторонних наблюдателей.

Я проинструктировал комсомольцев-организаторов и вожатых лагерного городка о гигиене маршей и походной жизни, о строгой профилактике в отношении желудочных инфекций и малярии, о соблюдении полного санитарного режима во всем. Группу пионеров обучил приемам первой доврачебной помощи, обращению с походной аптечкой и наблюдению за чистотой в лагере.

Первый лагерный сбор прошел вполне организованно и благополучно. Мои посещения лагеря были редкими, но комсомольцы и пионеры четко и строго придерживались правил по санитарному порядку всей лагерной жизни.

С каждым годом повышалось число лагерей в районе и с нашей стороны не ослаблялись санитарные требования и соответствующая помощь им, а также внимание и забота со стороны местных медицинских работников.

3. Новые шаги в пропагандистской деятельности (1925-1926 годы) в Уржуме и в Иванове.

Первые начальные два года работы санитарным врачом прошли для меня сугубо жизненно. Встав на путь профилактической медицины, я стал понимать глубже ее существенное значение для оздоровления жизни крестьян своего уезда. Если я за два года действовал больше стихийно, исходя из злободневно складывавшейся обстановки, то отлично понимал, что работать нужно вместе со всеми окружающими меня людьми разных профессий и с жителями города и уезда.

Оказавшись на курсах усовершенствования (с 15 января по 1 июня 1925 года), я пользовался всеми возможностями расширить свой кругозор и, в особенности, слушая лекции самых прогрессивных деятелей и ученых советского здравоохранения того времени и общаясь с товарищами по курсам врачами, которые все были старше меня, имели более продолжительный стаж врачебной и санитарной работы. На курсах нам преподавали: сам нарком тов. Н. А. Семашко, его заместитель З. П. Соловьев, работники наркомздрава А. Н. Сысин, А. И. Мискинов, П. И. Куркин, И. Д. Старшун, видные ученые-гигиенисты А. В. Мольков, П. Н. Диатроптов, М. Н. Шатерников, С. С. Орлов, микробиологи – Л. А. Тарасевич, В. А. Барыкин, Е. И. Марциновский и другие. Они закладывали нам основательную теоретическую подготовку для целеустремленного продолжения нашей практической санитарно-противоэпидемической работы в сочетании с ее обязательно с широкой политической и общественной деятельностью. Было совершенно ясным, что политика здравоохранения – это программа действий Коммунистической партии и Советской власти, а поэтому нужно будет еще смелее и решительнее действовать после курсов.

Вскоре после возвращения в Уржум я был освобожден от заведования подотделом здравоохранения и смог более глубоко заняться всей своей санитарно-оздоровительной программой и общественной работой по советской, профсоюзной линиям и добровольным обществам. Все сложилось как-то так, что я был в активе всех этих отраслей – состоял депутатом горсовета, членом правления союза медиков и уполномоченным врачебной секции в нем, председателем общества РОКК, членом уездных комитетов Авиахима, СВБ и МСПР.

При сложившейся ситуации общественных обязанностей я старался в мере возможностей помогать каждой и, в частности, в сельских условиях, в которых повседневно текла моя санитарная работа. В то же время у меня повысилось желание детально разбираться во всей сложившейся конъюнктуре здравоохранения уезда, прибегая к кое-каким самостоятельным анализам скапливавшихся под руками сведений. Я полу-

чал все больше и больше ответственных поручений выступать с докладами, бывать уполномоченным в низовых разных организациях и неослабно продолжать широкую разъяснительную работу.

В 1925 году отмечался столетний юбилей со дня выступления декабристов против царского самодержавия и мне было поручено выступать с докладами в разных организациях (около десяти раз). Успех оказался ободряющим – слушатели охотно приобщались к историческим информациям и оставались признательными.

В ноябре, будучи уполномоченным врачебной секции союза, я организовал при поддержке п/отдела здравоохранения и ведущих врачей Г. А. Скалепова и В. С. Самборского первую научно-практическую конференцию для сельских и городских медицинских работников по предварительно составленной программе. На конференции все врачи выступали с докладами на наиболее важные медицинские темы, а я по развертыванию профилактической работы на местах и необходимости выделения профилактического дня в неделю для планомерных оздоровительных мероприятий в закрепленных территориальных участках. На конференции был избран делегат на I Всесоюзный съезд сельских врачей, врач Ф. В. Тихвинский.

После конференции все участники приглашались на показательные операции в хирургическое отделение и показательные обходы больных в терапевтическом и инфекционных отделениях, а также на приемы больных в амбулаторию. В течение двух дней пунктовые фельдшера получили очень много ценных сведений и наставлений от хирурга В. С. Самборского и Г. А. Скалепова.

В заключение зав. п/отделом здравоохранения и я провели инструктивный семинар по организационным и противоэпидемическим вопросам, по статистике и санитарному просвещению.

Все сельские медицинские работники с большой признательностью оценили значение проведенной научно-практической конференции и ободренными разъехались на свои места работы. Конференцию посещало около сорока медицинских работников (почти все имевшиеся налицо в уезде).

После при посещении сельских медицинских учреждений пришлось убеждаться насколько организованнее и целеустремленнее стали вести свою работу сельские медицинские работники, они насыщенно заполняли профилактические дни чаще посещая школы, обследуя старые и новые очаги инфекций, ведя более активно санитарное просвещение, требуя от нас поддержки литературой, пособиями и советами. Было очевидным, что спайка всех медицинских работников стала теснее.

Во второй половине декабря вернулся делегат Всесоюзного съезда сельских врачей врач Ф. В. Тихвинский. Бодрым и возбужденным вбежал он в тулупе и шапке в помещение подотдела здравоохранения. У Ф. В. Тихвинского было огромное желание рассказать все, не доезжая до своей больницы, городским медицинским работникам. Через четыре-пять часов, вечером, в помещении уисполкома он выступил на собрании медицинских работников, на которое подъехало 8 фельдшеров с ближайших медицинских пунктов, вызванных по телефону. Ф. В. Тихвинский подробно рассказал обо всем слышанном на съезде и в особенности о том, каким вниманием он пользовался на съезде, и в частности, со стороны наркома Н. А. Семашко.

У Тихвинского была оригинальной биография. До 48 лет был он священником, а врачом стал 54 лет в 1914 году. Будучи священником, он был избран депутатом в Государственную Думу и после одной речи против смертной казни, произнесенной в заседании Думы, он был исключен из депутатов и лишен сана священника, оказался с «волчьим» билетом. Он уехал из Вятской губернии в г. Юрьев (Дерпт), где устроился в канцелярию университета и вскоре поступил на медицинский факультет, который успешно окончил в 1914 году и сразу попал на фронт Первой мировой войны. С 1918 года он работал на сельских участках врачом в Сернуре, Лаже и Шурме, в том крае, где когда-то священствовал (с. Байса).

Эти детали его жизни стали известными делегатам съезда из газеты, выходившей в дни съезда.

После увлекательно изложенного отчета о съезде врач Ф. В. Тихвинский выразил желание поехать в научную командировку для пополнения медицинских знаний. И это ему было организовано – в 1926 году он прошел специализацию по акушерско-гинекологическому профилю, в чем испытывал большую нужду в условиях работы в сельской больнице. Лишь в последние два года своей жизни он перешел в Уржум, где трудился дежурником поликлиники в вечерние часы.

Следует отметить, что Ф. В. Тихвинский обладал хорошими душевными качествами, был чутким к больным и был прекрасным агитатором-лектором на медицинские и общественные темы, которые охотно выслушивались сельскими жителями во всех селах, где он выступал.

Мне нужно сказать еще об одной стороне, которая входила в тематику моих выступлений в 1925 году. Состоя членом СВБ, я подготовил ряд лекций на тему **«Медицина и религия»**, с которыми выступил больше десяти раз в ряде аудиторий в городе

Уржуме и нескольких селах. Правда, иногда в некоторых лицах слушателей я улавливал не всегда сочувствующее внимание, и приходилось иногда слышать провокационные вопросы. Но все это преодолевалось и перекрывалось общим отношением и одобрением большинства слушателей. Ряд лекций был прочитан по желанию со стороны жителей.

В начале 1926 года после отчета о своей работе, дополненного большой пояснительной запиской аналитического характера, я провел планомерное обследование всех сельских медицинских учреждений, проверил десятки старых инфекционных очагов, посетил десятки разных объектов в порядке санитарной проверки и объехал все лесозаготовительные участки. Было получено немало положительных результатов. В нескольких лесозаготовках вместо чадовок появились деревянные бараки с деревянными нарами (с разрывами), а также небольшие столовые, продуктовые ларьки и небольшие бани для постоянного персонала. Среди лесорубов попадалось много таких, которые годами коптились в удушливых «чадовках». Они были довольны несколько улучшенными условиями для проживания и отдыха после лесозаготовок.

В феврале я был приглашен на работу в г. Иваново в связи с моим участием в объявлявшемся конкурсе для замещения должностей санитарных врачей на городском санитарно-наблюдательном пункте в самом г. Иваново. Мое решение было обусловлено трудностями материального характера при семье в пять человек, а также некоторой перспективой работы в условиях промышленного города. На это склоняла начертанная перспектива решениями XIV съезда ВКП(б) об индустриализации промышленности. Решения не только внимательно были изучаемы мною, но я еще был в числе пропагандистов по ним среди членов нашего союза и среди избирателей г. Уржума в своем закрепленном квартале.

Вятский губздрав и уржумские все организации неохотно отпускали меня на новое место и в то же время не могли задерживать, поскольку был приглашен в порядке конкурса.

1 марта я был отчислен с должности в Уржуме и с того же числа зачислен на должность в г. Иваново, в котором начал работу с 9 марта (переезд был длительным и сложным) в обстановке нелегкой и для работы, и для семьи.

Совсем иной представлялась обстановка для работы в Иваново. Меня назначили горсанврачом Советского района, в котором размещалось 5 текстильных фабрик, много разных промышленных, коммунальных, пищевых объектов, железнодорожный вок-

зал и др. Малоблагоприятными были условия жителей района (в большинстве семей рабочих) при высокой скученности и в старых неблагоустроенных домиках ветхих. Ежедневно приходили извещения об острых инфекционных заболеваниях, а в конце марта была большая вспышка гриппа.

Коллектив городского санитарно-наблюдательного пункта превышал 40 человек, в нем было пять санитарных врачей, столько же помощников, несколько дезинфекторов, санитаров, были вспомогательные и конюхи. Для разъездов по городу имелся конный транспорт. Территория города была большая, в его границы входили пригородные деревни, в которых жили многие рабочие предприятий. В Советском районе были Хуторовой Фряньково.

Потребовалось спешно осваиваться с новой ролью и со всеми специфическими особенностями городского и районного характера. Большие расстояния между объектами и очагами инфекций значительно затрудняли наблюдение и обследование. Сама субординация на пункте и постоянная связь с губсанпрофотделом, институтом микробиологии и эпидемиологии, с лечебными учреждениями города вносили свою особенность. Совещания и выступления, разнообразная общественная работа заполняли удлинённый рабочий день, так как много расходовалось времени на передвижения (часто пешком).

Быстро ширился круг людей, при участии и содействии которых можно было только и вести успешно сложную санитарную работу. Вскоре была установлена тесная связь с администрациями и общественными организациями предприятий, а также с самими рабочими, когда приходилось часто бывать в их общежитиях и квартирах, на собраниях – ежедневно и в разных местах. Еще острее была нужда в санитарном просвещении, в привлечении рабочих в создававшиеся при предприятиях здравячейки, для участия во всех оздоровительных мероприятиях. Мне очень пригодился опыт массовой работы, приобретенный среди сельского населения в Уржумском уезде. Довольно активно была развернута работа по профилактике гриппа – санитарное просвещение. По поручению подотдела санитарного просвещения я прочитал 16 лекций в рабочих коллективах не только своего района, но и в других. Мои выступления сопровождались одобрительными откликами не только со стороны слушателей рабочих, но и медицинских работников, слушавших нового пропагандиста и посылавших отзывы в губздрав врачу Ф. М. Корчемной.

В первые недели я уделил много времени созданию здравячек на предприятиях и развитию работы уже существовавших. В процессе этой работы я сближался со многими рабочими и представителями рабочих организаций и вместе с членами здравяче-

ек знакомился с условиями труда и быта рабочих. Были всесторонне обследованы каморочные общежития при фабриках, коммунальные дома и многие частные квартиры, в которых ютились семьи рабочих, а также я познакомился с цеховыми помещениями, со столовыми рабочих, с банями-прачечными, медицинскими учреждениями на фабриках Зарядье, Ново-Иваново, Вознесенской и Мало-Ивановской мануфактур и др. промышленных объектов. Было получено много нужных впечатлений, чтобы направить работу здравячек в необходимом направлении. Развернулась большая содружественная работа, которая была понимаема и оцениваема рабочими, и через нее я снискал доброе уважение. В те месяцы велась большая обследовательская работа семей рабочих, подававших заявки о своих тяжелых жилищных условиях. Я проявил инициативу скопившиеся материалы о семьях рабочих с числом 1142 человека научить вместе с председателем здравячейки старым рабочим В. П. Арбузовым (фабрика Зарядье) и выявил безотрадную картину – многие семьи ютились на площади размером от 1,5 до 6 кв. м. на человека, а самое тяжелое явление, что сами помещения были ветхими и угрожающими обвалами и другими неприятностями. Об этом мы выступили со статьей в газете «Рабочий край» под заглавием «По рабочим квартирам» (июнь или июль месяц).

Никогда не может быть забыто собрание нуждавшихся в квартирах рабочих в клубе фабрики Зарядье в конце сентября, когда оглашался список нескольких десятков семей, отобранных для получения предоставленных новых квартир в домах, построенных в новом рабочем поселке № 1. Когда были названы фамилии, то поднялся большой гам всех недовольных, остававшихся вне списка.

Так как экспертная сторона оценки всех тяжких условий была выполнена мною, санитарным врачом, то я, подняв руку, успокоил рабочих и сказал: *«Товарищи рабочие! Квартир отстроено мало. Кому дать?! Комиссия решила вопрос на основе заключения санитарного врача, каким был я. Вы мне не родственники, не близкие знакомые и должны понять меня по-рабочему. Предоставляя квартиры той или другой семье, мы всесторонне взвешивали все – техническое и санитарное состояние квартир, скученность, наличие детей, и в их числе малолетних, и многие другие данные о неблагополучии быта. Получили квартиры те семьи, с которыми было медлить дальше нельзя, там угрожали обвалы и разрушения ввиду ветхости домов, в которых они ютятся».*

Крики и шум не возобновлялись, а только раздавались голоса «Правильно сделано!». Кстати, все это произошло за три-четыре дня до моего отъезда из Иваново обратно в г. Уржум Вятской губернии. Рабочие, узнав об отъезде, очень сожалели и многие

очень тепло попрощались с врачом, который был в их среде всего полгода с небольшим.

В течение нескольких месяцев много раз читал лекции (около 50) по темам: **«Алкоголизм и борьба с ним»**, **«Гигиена брака и семьи»**. По этим темам не находилось в числе врачей желавших лекторов. Многие комсомольские и профсоюзные организации пользовались моими выступлениями в порядке очередности. Лекции читались в клубах, в общественных профсоюзных садах перед многочисленными слушателями и проходили достаточно организованно и успешно.

Временная работа в Иванове меня обогатила новыми навыками по работе с массами рабочих и значительно повысила мой политический и общественный кругозор.

В нескольких словах следует рассказать о возвращении обратно в Уржум.

В июне поступило предложение Вятского губздравицы с выпиской решения пленума Уржумского исполкома, в котором говорилось: «Как УИК допустил отъезд санитарного врача Шерстенникова Н. А., которым было так много организовано в уезде санитарных мероприятий, повышавших культуру населения и снижавших эпидемии острыми инфекционными болезнями, а также активного участника общественной жизни города-езда» и было предложено «просить его вернуться и улучшить ему материальное положение».

Губздравица со своей стороны просил согласиться на возвращение к работе, которую он считал приметной и полезной для уезда.

После некоторых размышлений и такой оценки ранее выполнявшейся работы я дал свое согласие и 30 сентября выехал в Уржум, где с 9 октября начался второй период моей деятельности в нем.

4. Второй период работы в Уржуме (1926-1935 годы)

Из Иванова в Уржум моя семья возвращалась водным путем по Волге – Каме – Вятке от пристани Кинешма до пристани Цепочкино. Путешествие заняло 1-9 октября – была полная возможность поразобраться в минувшей семимесячной работе в Иванове и поразмыслить о перспективе продолжения работы в Уржуме.

Я еще раз убедил себя, что временная работа в Иванове была интересным испытанием и проверкой моих убеждений в избранной профессии санитарного врача и новым толчком для свежих устремлений.

В Иванове я сдружился с другим санитарным врачом, А. В. Артамоновым, таким же пришельцем по конкурсу, как и я, но только с Украины, с ним были вместе на курсах усовершенствования в 1925 году в Москве. Он был старше меня на 20 лет, но наши взгляды, мысли и действия часто совпадали, и мы, образно говоря, кооперировались в своей практической работе на санитарно-наблюдательном пункте. А. В. великодушно одобрял мое возвращение в Уржум, в присланном предложении он уловил начало оставшейся в Уржуме полезной работы среди крестьян, тепло распрощался и условился держать связь.

Мне казалось, что по возвращении я много выиграю времени для ведения всех своих дел за счет экономии его и сил для передвижений, и тут же думал о необходимости планирования всей своей деятельности по месяцам и кварталам года исходя из основных задач, выдвигавшихся каждый год и с учетом местных особенностей. Мысленно я ставил себе очередные поисковые проблемы для более нацеленного проведения практических мероприятий и еще более в тесном смыкании работать вместе со всеми медицинскими работниками уезда, с общественными организациями и с рядовыми крестьянами, которые составляли свыше 90% населения уезда.

Приступив к работе, я тщательно разобрался в имевшейся санитарно-эпидемиологической конъюнктуре уезда за время моего отсутствия, уловил некоторые неблагоприятные стороны повышения ряда инфекций и ослабления работы медицинских работников в борьбе с ними. Имевшаяся ситуация потребовала большого объезда всех медицинских учреждений уезда, проверки многих промышленных и сельскохозяйственных объектов. Свершалось освежение связи со всеми старыми медицинскими работниками, а также с санитарным активом, а также произошло знакомство с прибывшими для работы врачами (Лебяжье, Лаж) и фельдшерами, появившимися на ряде медицинских пунктов.

Быстро развернулась общественная деятельность, причем снова были возложены выполнявшиеся обязанности депутата горсовета, члена правления и уполномоченного

врачебной секции союза, руководство обществом Красного Креста. Руководители уездных организаций радушно возобновили контакт со мной и охотно поддерживали вносимые мною новые предложения, а также плановые мероприятия нашей санитарной работы.

За время отсутствия произошла обратная реорганизация подотделов в самостоятельные отделы уисполкома. Был восстановлен отдел здравоохранения, которым руководил фельдшер Н. И. Перельман, довольно опытный общественный работник, который принимал немалое участие в возвращении меня обратно в Уржум.

С первых дней мы ясно определили свои взаимоотношения и субординацию, он одобрил мои намерения строгого планирования всех санитарно-эпидемиологических мероприятий и предложил совместное участие в планировании всех мероприятий по здравоохранению уезда. В небольшом аппарате работников уздрава возникла коллегиальность и деловое содружество, как бы сформировалась бригада оперативного и направленного действия. Так определился курс общей сработанности на 1927-1929 годы, пока не произошла новая административная перестройка в связи с районированием – реформой 1930 года.

Вторая половина двадцатых годов была насыщена заботой партии и правительства о развитии народного хозяйства и, в особенности, поднятия сельского хозяйства. Усиленно развивалась кооперация крестьянства. Мне в 1916 и 1917 годах представилась возможность знакомиться с кооперированием крестьян, когда работал в Орловской уездной земской управе, в кассе мелкого кредита и агрозоотехническом отделе. Тогда я был свидетелем, как создавались общества потребителей, кредитные товарищества, маслодельные артели среди сельского населения и наблюдал, как продвигались плуги, катки, косилки, сепараторы и пчеловодный инвентарь для улучшения ведения сельского хозяйства. Я не смог оставаться равнодушным, будучи врачом, к мероприятиям, широко развивавшимся с этой же целью Советской властью.

В первые годы работы в Уржуме я содействовал размещению первого золотого внутреннего займа 1922 года, позднее хлебного займа, сахарного займа, которыми проводилась мобилизация средств внутри страны. Выполняя разъездные обязанности санитарного врача, я вел разъяснительную работу в деревнях, причем больше приходилось вести это просвещение в небольших группах крестьян, что было доходчивее до них и склоняло их участвовать в реализации займов. В те же годы я увидел, в каких

антисанитарных условиях проживало крестьянство в нашем уезде, и уже тогда понял свою задачу – серьезно и глубоко заняться оздоровлением труда и быта крестьян.

Начиная с конца 1926 года я включился добровольно в кооперативный актив и при посещении деревень всегда интересовался работой сельских кооперативных организаций, посещал общие и отчетные собрания, выступал с своими замечаниями и предложениями, встречал внимание и доверие к ним крестьян. Для увеличения оборотных операций мною советовалось заниматься сбором и переработкой даров природы – ягод, грибов, лекарственных растений, а также развитием промыслово-кустарных изделий силами самих членов кооперации.

Для моих частых ночлегов в деревнях были обычные крестьянские избы, пребывавшие в те годы в жутких антисанитарных условиях при наличии тесноты жителей и обилии разных насекомых. Весьма низкой была личная и бытовая гигиена во всем укладе. Моя роль не позволяла оставаться равнодушным, я всюду проводил душевные собеседования с хозяевами жилищ и смежных изб о необходимости своими силами оздоравливать быт самыми обычными и доступными для них средствами.

Во время же большого объезда уезда в ноябре-декабре 1926 года я тщательно осматривал новые отстроенные крестьянские избы в разных селениях. Было осмотрено более двухсот, и на каждую были сделаны краткие заметки. Больших улучшений в новых избах в сравнении со старыми я не находил – оставалась та же расписовка жилого помещения: большая площадь под русской печью, низко опущенные полаты под потолком и несколько больше были просветы окон. Встретилось несколько лучше благоустроенных изб, владельцами которых были зажиточные крестьяне, – в них больше была площадь помещения, лучше и экономичнее размещалась русская печь, были отгорожены перегородками места для сна и даже окрашены полы, оконные косяки, рамы. Попутно я вел собеседования с местными строителями-крестьянами, руководившими артельной стройкой (в порядке взаимопомощи) и совместно с ними рассматривал возможные улучшения как планировки, так и отделки будущих новых изб заделкой пазов между бревнами упрощенной штукатуркой, увеличением окон, устройством форточек или стальных отдушин, окраской полов, окон, дверей, а также устройство дворовых уборных с выгребами близ изб. Строители одобрительно воспринимали мои советы и стали постепенно их проводить, в чем я стал убеждаться при повторных своих осмотрах вновь появлявшихся изб.

Вопросы санитарного благоустройства вошли в тематику моих выступлений для приезжавших на базары крестьян, проводивших ночлег в Уржумском доме крестьянина, на лекциях в деревнях, на военных сборах призывников и вневойсковиков, среди

лесорубов. Демонстрировавшиеся мною схемы-чертежи привлекали внимание и одобрение слушателей. По этим вопросам я несколько раз выступал и на уездных съездах советов.

Когда прошел XV съезд ВКП(б), который определил курс поворота сельского хозяйства на коллективизацию его ведения, я еще больше почувствовал необходимость настойчивого осуществления санитарного благоустройства труда и быта крестьян.

К этому же меня склонили мои глубокие исследования заболеваемости крестьян по материалам обращаемости в медицинскую сеть за помощью в 1924 и 1925 году. Проанализированные статистически свыше 260 тысяч болевших крестьян по видам заболеваний, по возрастным и половым группам, давали ясный ответ, что почти две трети болезней являлись следствием грязи, нечистоплотности, религиозных и суеверных обрядов и привычек и т. п. Это же улавливалось в процессе проверки здоровья учащихся уржумских средних школ и попутных проверок в сельских школах. Было ясно, какую вредную роль играет отсталый антисанитарный быт в возникновении и развитии болезней среди крестьян.

Свои глубокие исследования я оформил в научные статьи и поместил их в журналы. Так появилась статья *«Санитарно-бытовые условия учащихся Уржумской школы 2 ступени»* в журналах **«Путь просвещенца»**, издававшийся в г. Вятке для учителей и в журнале **«Профилактическая медицина»** в Харькове (1926 и 1927 годы), а также статья *«Устраняемая заболеваемость сельского населения»* и *«Очередные задачи санитарной работы в школах»*, опубликованные в журнале **«Профилактическая медицина»** за 1929 год. На эти статьи мною были получены отклики от разных читателей, а позднее, через 6-7 лет стало известным, что на эти статьи обратил внимание в свое время нарком здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко, о чем он говорил мне, когда проходил под его руководством аспирантскую подготовку в 1935-1936 годах.

Не ожидая появления статей, я обратил внимание всех медицинских работников на борьбу с отсталостью в быту крестьян и на проведение оздоровительных мероприятий, а также мобилизовал внимание санитарного актива, состоявшего из самих крестьян. За те годы появилось до десятка моих статей в газете **«Красный пахарь»**, разъяснявших необходимость и пользу разных оздоровительных мероприятий и их значение для снижения заболеваемости крестьян.

***

Кстати, следует напомнить и о том, что в те годы хотя и осуществлялся решительный поворот «лицом к деревне», но еще влияние на деревню культуры распространя-

лось слабо. Деревня жила почти без газет, радиовещания еще не было. Появлялись первые точки радиоустановок в крупных селениях или в сельсоветах и избах-читальнях. Периодическая печать еще не стала предметом индивидуальной подписки и крайне редко встречалась семья, получавшая газету. Уездные организации прилагали большие усилия к распространению своей газеты «Красный пахарь», которая могла содействовать идейно-политическому и культурному просвещению крестьян. Мне приходилось часами убеждать того или иного крестьянина включиться в подписку на свою местную газету и было приятно, когда в деревне появлялось два-три подписчика на газету, и, следовательно, связь с жизнью всего уезда.

Живые и душевные общения-собеседования с крестьянами являлись в эти годы весьма доступной и распространенной формой просвещения. Теперь далеко позади те сотни проведенных вечеров в крестьянских избах с разными группами крестьян, на которых часами разбирались вопросы жизни страны, зарубежные новости, решения XIV и XV съездов ВКП(б) и многие практические вопросы сельской жизни и путей к ее улучшению. Собеседованиями сельской интеллигенции и наезжавших из уездного центра советских служащих, разных специалистов успешно осуществлялся поворот к деревне – полезные сведения и знания все больше и больше доходили до крестьян, и они сознательно и критически стали перестраиваться в жизни, веря в надвигавшиеся большие перемены.

Немалую роль играли в росте культуры деревни дети крестьян, оказывавшиеся учащимися уржумских средних школ, в которых они составляли прослойку свыше 70%. Преподаватели с комсомольцами-учащимися создавали бригады, которые в подвыходные и выходные дни растекались по окрестным деревням с подготовленными для выступления лекциями и беседами, и вели интересные собеседования с крестьянами по тем или другим вопросам, выдвигавшимся на очередь советской властью и партией, а также с общекультурными и художественными мероприятиями, к которым крестьяне с каждым разом относились теплее и признательнее.

Об этом я пишу потому, что не был в стороне от организации этого вида помощи деревне, так как в те годы был преподавателем школьной гигиены в выпускном классе с педагогическим уклоном в средней школе, в педагогическом техникуме и гигиены труда и техники безопасности в профессионально-технической школе. Я часто инструктировал бригады, а иногда присоединялся сам к ним, выступая со своими лекциями. Эти же бригады комплексно захватывали и санитарно-просветительские вопросы, что приносило убедительные результаты.

Мне как врачу учебных заведений были близки интересы учащихся, и я очень тревожился о тех, которые при медицинских осмотрах вселяли тревогу своим ослабленным здоровьем или наличием у них болезней. Я это не замалчивал – проводил информации родителям городских учащихся и давал наставления о повышении заботы о детях, писал письма и вел личные собеседования с родителями крестьянских детей-учащихся о всяческом содействии учебе и здоровью детей усиленным снабжением. Исключительны были отклики заинтересованных родителей-крестьян, они вдвойне-втройне больше пеклись о своих детях после сделанных им предложений. Но были и такие учащиеся, о которых приходилось заботиться с использованием помощи общественности – профсоюзных организаций или сбором средств через художественные постановки – спектакли, концерты для усиления питания нуждавшихся детей.

В этом отношении был дан хороший пример учителями Уржумской школы второй ступени, в числе их и моей женой, которые организовали горячие завтраки для детей и годами поддерживали несколько нуждавшихся учащихся бесплатными и усиленными для них завтраками. Они очень заботливо претворяли указания врача в отношении ослабленных или больных детей. Такой почин имел распространение и в других учебных заведениях. На пришкольных участках выращивались картофель и овощи, вскармливались поросята отходами, что давало немало дешевых продуктов для питания учащихся. В этой работе принимали участие сами учащиеся и преподаватели.

***

Уместно вспомнить о том, что перед летними каникулами мною читались учащимся лекции на тему *«Физкультура летом»*, в которой рекомендовалось усиленно заниматься сбором даров природы – ягод, грибов, лекарственных растений и пополнять свои ресурсы для расходов во время обучения. Очень многие учащиеся на осеннем медицинском осмотре рассказывали о своих успехах и приработанных средствах, которые пошли на одежду, обувь, ученические принадлежности и даже оставались фонды на зимний период. Как правило, ослабленные дети преобразовывались физически, они закаливались и заметно улучшали свое здоровье.

Интерес учащихся к лекциям на медицинские темы был высоким повсеместно, о чем делились сельские медицинские работники на совещаниях уздрава.

В 1927/28 учебном году среди учащихся всех школ уезда была распространена **«Санитарная памятка школьника»**, составленная санврачом, одобренная врачебным советом и изданная на жесткой качественной бумаге в виде книжки в количестве 10.000 экземпляров с заполнением на лицевой стороне графы – наименование школы,

класса и фамилии ученика – которая вручалась классными руководителями. Памятку приветствовали учителя, родители, медработники и сами учащиеся. Они любовно берегли памятки, руководствовались гигиеническими наставлениями. Было приятно слышать спустя 7-8 лет от подросших школьников допризывного возраста, что памятки у них сохранены на память и немало полезных навыков они закрепили себе для жизни. Меня призывники видели бессменным врачом врачебной комиссии, узнавали меня и радовали своим безупречным здоровьем для службы в рядах Красной армии и Красного флота.

Ежегодно до 75-80 было моих выступлений перед учащимися во многих школах уезда, которые сопровождались большой практической поддержкой учителей и учащихся в проводившихся разных оздоровительных мероприятиях. Учащиеся активно боролись за личную гигиену и опрятность своих одноклассников, наводили санитарный порядок в школах, детских домах, пионерских лагерях и даже в сезонных детских площадках, яслях и в своих жилищах и семьях.

Уржумское УОНО всячески содействовало в борьбе за здоровье жителей уезда. Оно перед каждой очередной учительской конференцией просило санврача назвать тему доклада, связанную с оздоровлением деревни или гигиеническим воспитанием подрастающей молодежи. Заметно крепили связь и совместное сотрудничество учителей и медицинских работников уезда, и польза достигалась огромная.

Исключительно ценной была практическая помощь учителей и учащихся в борьбе с эпидемией гриппа и скарлатины, имевшимися в 1927 и 1928 годах, которые не только были опасными для здоровья, но и очень мешали планомерному ведению учебных занятий.

Уздрав издал листовки, составленные санврачом и одобренные врачами, **«Берегитесь гриппа»**, **«Спасайте детей от скарлатины»**, которые дополнялись участием учителей и учащихся в проведении организационных и профилактических мероприятий. О них скажем подробно.

Листовки доходили до всех населенных мест, они зачитывались и пояснялись жителям и детям медицинскими сельскими работниками, учителями и активистами Красного креста, в числе которых были и советские служащие, и сельскохозяйственные специалисты. Санитарный врач отступил от действовавшей санитарной инструкции о наложении карантинных знаков на школы при появлении скарлатины. Наоборот, он повысил бдительность учителей и сельских медработников, обучил учителей проверять каждый день приходивших в школы детей в отношении состояния зева, температуры и в любом случае подозрения на болезненное состояние детей в школу не допускать, а отправ-

лгать домой или на медпункт, если он в деревне имелся. Это нововведение себя полностью оправдало – ни одна школа не выходила из строя по карантину, учебные планы выполнялись, а больные скарлатиной выявлялись гораздо раньше, госпитализировались, и передача инфекции при контакте была предотвращена.

Санврач собственноручно провел вакцинацию детей в городских и нескольких сельских школах, охватив свыше 1700 детей (трехкратная прививка вакцинацией по Габричевскому). Его лучшими помощниками при проведении прививок были учащиеся, которые под его руководством хорошо обрабатывали кожу до укола и дезинфицировали место укола прижиганием йодной настойкой. Они же информировали обо всех случаях, когда реакция прививок была у некоторых детей сильной, и врач проверял этих детей на дому. Учителя поражались пунктуальности действий моих помощников, а я рад был толковой и безупречной помощи учениц и учеников, помогавших мне и, быть может, с той поры начавших мечтать о выборе себе медицинской профессии. Как стало много позднее известным, несколько помощниц действительно стали медицинскими работниками и врачами.

Эффективность прививок была убедительной, заболевших скарлатиной в период пока иммунизация не завершилось было 35 детей, 32 болело легко и трое умерло, у них скарлатина наслепилась на перенесенные до этого воспаления легких. Этот опыт санврачом был изложен в научном обобщении и отослан в Вятский институт микробиологии и эпидемиологии, которым высоко оценил наш опыт в борьбе за здоровье учащихся.

***

Благодаря многим и частым выступлениям в школах и на учительских конференциях заметно повышалось участие учащихся и учителей в проводившихся оздоровительных мероприятиях. Часто бывая в деревнях по выявлению очагов инфекций, мне очень ценно было содействие тех и других. Хотелось уплотненно во времени принести больше пользы в каждом селении. Учащиеся – следопыты здоровья – водили меня по больным, о которых они знали, а другие оповещали все дома о том, что через час в общественном месте или избе будет беседа врача, приехавшего из города, и назывался вопрос для собеседования. Это не только ускоряло, но и умножало сбор слушателей, и в числе их было немало учащихся и часто присутствовали учителя. Нельзя было недооценивать этой нужной услуги в трудном и сложном нашем санитарном деле.

Заведующие всех школ использовали санврача, заезжавшего для обследования санитарных условий и беглой проверки здоровья учащихся. Они обращались с прось-

бой прочитать лекцию или провести беседу с учениками и ради этого несколько перестраивали ход учебного дня. Эти встречи оказывались самыми яркими на фоне массовой моей работы. Меня радовала любознательность детей, их броские с блеском взгляды и одухотворенность лиц, когда я вел с ними беседу, немало задавали вопросы и с огорчением воспринимали мои неодобрительные замечания по замеченным недостаткам в здании школы или наличии неопрятности детей. Но, так или иначе, все сводилось к какой-то зарядке, чтобы в школе интерес к здоровью был неослабным.

Я не ограничивался медицинскими и санитарными вопросами, я убеждал детей и взрослых заниматься физическими упражнениями, трудовыми процессами на воздухе и художественной самодеятельностью. Были случаи, когда с согласия учителей и учеников, предлагал спеть коллективно ту или другую знакомую песню, и это принималось с радостью, и тут не оставалась в стороне моя дирижерская рука, давно управлявшая при коллективном пении в классе, на курсе.

***

Уком партии и уисполком много уделяли внимания политико-просветительной работе среди крестьян. С этой целью проводились декадни в отдаленных сельских советах с определенной программой выступлений и направлявшимися из уездного центра лекторами. Так в 1928 году я оказался в числе лекторов, направленных в Изиморский сельский совет, где в зале местной школы была клубная комната со сценой для массовой работы с населением. Обычно работа велась по вечерам и в выходные дни.

Население Изиморского сельсовета было марийским и большинство жителей не знало русского языка. Меня очень огорчало – сумею ли я доводить свои мысли доходчиво и понятно. У меня под руками оказались помощники-переводчики, ими были учителя, переводившие мои лекции абзац за абзацем, и рядовые марийцы, сопровождавшие меня при обходе жителей и больных и при попутно проводившихся беседах и наставлениях. Рабочий день удлинялся и насыщался возраставшими запросами от жителей не только деревни Изиморки, но и соседней Индыгойки и других. Нужно было справляться и удовлетворять запросы практически, что я делал любовно и безотказно.

К медицинской пропаганде был интерес повышенным и настолько, что с каждой лекцией число слушателей росло и едва вмещались они в помещение клуба. Не были забыты учащиеся, с ними велась работа в урочные часы – медицинские осмотры и беседы (с переводчиками).

Кончая декадник, я не ожидал, какой интригующей оказалась организованно проводившаяся агитация среди марийского населения и к тому же с участием переводчиков. Удовлетворение от всего декадника было полное.

В раннем детстве, живя в марийском конце села Большой Рой того же уезда, я не только понимал марийскую речь, но и даже ею владел в какой-то степени, но через 20 лет от этих навыков почти ничего не осталось.

Марийское население в уезде составляло до 7-8% и гнездились оно в определенных сельских советах или деревнях. Забота о работе среди марийцев в целях повышения их общей культуры была необходима. Они продолжали отражать в своем укладе жизни тяжкие последствия прошлого царского угнетения и, следовательно, отсталости. В этом мне приходилось убеждаться в практическом знакомстве каждый день, видя множество отрицательных явлений в быту, труде марийцев, в санитарной отсталости и высокой поражаемости их чесоткой, трахомой, многими болезнями и физическими дефектами. На медицинских осмотрах я видел детей всех возрастных групп, а во врачебной комиссии – призывников, и замечал огромную разницу в состоянии здоровья и физического развития в сравнении с русскими того же уезда. Из марийцев нам представлялось в четыре-пять раз меньше подбирать годных для несения военной службы в сравнении с русскими призывниками (в относительных показателях) и то только в пехотные и кавалерийские части и почти не было пригодных для морского и воздушного флота, броне-механизированных и других специальных родов войск.

Такое положение хорошо учитывал уезд. Он настойчиво требовал от сельских медицинских работников внимания и усиления медицинского обслуживания марийцев и проведения среди них просветительной и воспитательной гигиенической работы.

Да, это было очень нужным для марийцев в условиях ведения единоличного хозяйства.

Санитарно-оздоровительную работу среди марийского населения я считал весьма важной, нужной и усиленной, поэтому с большим желанием и особым увлечением читал лекции, вел беседы, смотрел больных, оказывал помощь как в деревнях, так и на лесозаготовках, в школах, на сборах вневойсковиков и допризывников. Я твердо верил, что настойчивая борьба за будущее марийцев даст скоро свои добрые всходы.

***

На моем вооружении была походная лаборатория для санитарного исследования воды, с которой я часто выезжал для проверки качества воды колодцев общего пользо-

вания. В теплые сезоны года на глазах жителей собиралась проба воды и тут же проводился ее анализ. Я давал заключение о доброкачественности или загрязненности воды, опасной для здоровья пользующихся водой колодца. Устанавливал возможный источник попадания загрязнений в колодец, разъяснял, что надо сделать, чтобы улучшить качество воды. Крестьяне весьма одобрительно следили за всем процессом проверки и охотно благоустраивали и ремонтировали свои запущенные водоисточники и соблюдали санитарные правила по охране колодца и воды в нем. Располагая данными конъюнктуры желудочно-кишечных заболеваний в уезде и в связи с недоброкачественностью воды, продуктов, я вел лекции и беседы, сопровождая их фактами из наблюдений. Такая доказуемость резко повышала активность жителей для претворения дававшихся им полезных и обоснованных предложений и указаний. Немало было рекомендаций в отношении охраны открытых водоемов – рек, озер, прудов, родников, и все это оставляло след у заинтересованных крестьян.

Нужно сказать, что престарелый врач, медицинский эксперт Н. А. Львов проводил вскрытия трупов погибших людей от неустановленной причины, он нередко эти вскрытия в теплую пору проводил на открытом воздухе и разрешал желающим взрослым присутствовать на них. Я сам был очевидцем – с каким интересом слушали пояснения врача крестьяне. Кстати сказать, врач Н. А. Львов был любимым врачом у марийцев, он свободно говорил с ними по-марийски. Он работал до 88 лет и ни одного дня не был на пенсии и был весьма добросовестным в работе на своем посту. Из 59 лет врачебной деятельности полвека он отдал населению Уржумского уезда и оставил добрую память среди него.

В программу моих выступлений исподволь и все расширяясь входила атеистическая тематика. В городе и уезде приходилось наблюдать множество фактов знахарства, суеверности, предрассудков и усердной религиозной обрядности, от которых сплошь и рядом наблюдались тяжкие последствия для здоровья и жизни людей. Имевшиеся факты и наблюдения требовали толковых разъяснений жителям, племенным нелепыми взглядами, толками и обычаями. Особенно много вреда причинялось крестьянам церковным календарем в ведении сельскохозяйственных работ. Существовали разные праздничные вехи и ограничения, которые срывали выгодные природные моменты для сева, сенокоса, огородничества, уборки урожаев и т. д. В каждой деревне были престольные праздники и нередко совпадавшие с самой жаркой порой работ в поле и продолжались разные молебствия и как всегда сопровождавшиеся пьянством, праздностью, простоем работ. Очень много ущерба терпели крестьяне, остававшиеся во власти религиозных предрассудков.

Мне в медицинских лекциях представлялась широкая возможность останавливаться на всех фактах и следствиях, которые возникали на религиозной почве. Для атеистической пропаганды я располагал достаточно многими сведениями о религиозных культах, о служителях культа, разных религиозных ритуалах, поскольку сам с раннего детства находился в семье служителя культа и восемь лет после начальной школы учился в духовных училище и семинарии. На нас делалась ставка пополнения рядов служителей культа, а на деле получался просчет. До нас доходило много полезных и критических взглядов и суждений из разных источников жизни, из-за стен наших учебных заведений в годы, насыщенные общественно-революционным движением в последний период царизма.

У абсолютного большинства товарищей-одноклассников росли сомнения в жизненном назначении разных религиозных систем и в результате дискуссий и споров между собой крепились новые взгляды на религию и на все распространенные обрядовые приемы и наставления.

В атеистической работе среди крестьян я придерживался более тактического подхода, чем среди горожан. Всегда стремился с убедительной доказуемостью на примерах и наблюдениях знакомить их с мирозданием и материалистической точкой зрения и современных медицинских успехов и достижений. Мне с каждым выступлением становилось явной доверчивостью слушателей к моим пояснениям, хотя большинство из них были малограмотными или совсем неграмотными.

Маленький, но существенный, опыт я получил, когда в 1923 году, как культармеец, приобщал к грамоте пять санитарок и прачек Уржумской больницы, имевших возраст старше 40 лет – они были ревностными верующими. С ними я занимался по воскресеньям (выходным дням) в дневные часы, так как они продолжали в те дни посещать церковные службы с утра, а потом днем заниматься ликвидацией безграмотности.

Они робко начали учиться, сомневаясь, что что-то из этого получится у них. А я, наоборот, с первого занятия умело одобрял их небольшие начальные успехи по освоению грамоты и каждый раз проводил разные с ними собеседования на житейские темы. Наше сближение повышалось с каждым занятием, а усердие стало явным. В ходе ликвидации неграмотности, занявшем свыше шести месяцев, вносились элементы атеизма, разбора разных положений религиозных культов. Вместе с настороженной любознательностью к моим разъяснениям и чтением подобранных для них рассказов антирелигиозного характера, у моих слушателей стали появляться критические суждения по прочитанному. Такая работа оказалась плодотворной. Женщины ревностнее стали учиться и сами пожелали заниматься по утрам воскресных дней, предпочитая занятия

посещениям церкви в последние месяцы нашей учебы. Такая последовательность влияния на веровавших учениц и была мною используема в дальнейшей атеистической работе.

Заметно повышалось участие в атеистической работе учительства. Я охотно кооперировался с учителями в этой пропаганде, обмениваясь опытом на учительских конференциях, а также с преподавателями уржумских средних учебных заведений. Не оставались в стороне от атеистической работы врачи и сельские медицинские работники. Таким образом, росли ряды антирелигиозников – членов Союза воинствующих безбожников. Многие товарищи посещали мои публичные атеистические лекции, из которых они пополняли свою осведомленность и воспринимали полезные навыки. Сам я немало учился у многих товарищей. Боевито вели борьбу с религиозностью крестьян комсомольцы, учащиеся в своих селениях и своих семьях. Два раза меня просили проводить семинары с активом комсомола о содержании, форме и методе ведения антирелигиозного просвещения. Нам очень хорошо помогала издававшаяся в те годы антирелигиозная литература и периодическая печать, в которые писали выдающиеся партийные деятели и ученые статьи по атеизму.

Мне в порядке санитарного наблюдения приходилось заглядывать в церкви и молитвенные дома, призывать служителей культа соблюдать некоторые гигиенические предосторожности при выполнении обрядов крещения, причащения, целования чтимых икон и т. д., а также на поддержание чистоты в помещениях уборкой и наличием плевательниц. В церквях стали более тщательно содержать купели и готовить воду для крещения детей, всполаскивать ложку (лжицу) во время причащения после каждого верующего, промывать и протирать чаще стекла чтимых икон и др. Такое соблюдение церковниками наших указаний само собой вносило у верующих сомнение в святости-безвредности названных обрядов для их здоровья, что способствовало со временем отступлению от ряда обрядов.

Дальше мы еще продолжим об атеистической работе в годы коллективизации сельского хозяйства.

***

Растущее доверие организаций и жителей повышало желание трудиться с инициативой и творчески. Будучи не первый созыв депутатом Уржумского городского совета и постоянным руководителем его секции здравоохранения, я был выдвинут пленумом в число членов президиума и заместителем председателя на время его отсутствия. Такое положение усложняло круг моих постоянных обязанностей и в то же время облегчало продвижение вопросов культурного, коммунального и санитарного значения и по медицинской

помощи трудящимся города. Депутату санитарному врачу нередко требовалось присутствовать и выступать на отдельных собраниях секций – коммунальной, финансово-бюджетной, народного образования и вести свою секцию здравоохранения – по множеству вопросов, которые требовали интересы города.

Теперь еще памятно, как некоторые замыслы, казалось, невыполнимые для 1927-1929 годов, встречали поддержку в секциях и принимались президиумом горсовета для претворения в жизнь. Так было улучшено водоснабжение города путем капитального ремонта пяти общественных колодцев, водокачки около р. Уржумки и прокладки водопровода до больницы с водокачки школы им. Ленина, снабжавшего часть жителей из двух разборных будок.

Была построена общественная баня в одном из хозяйственных зданий с механизированной подачей воды, был благоустроен дом крестьянина для приезжих и райпотребсоюзом открыта общественная столовая. Казалось, небольшие сооружения, но все они внесли немало удобств для обслуживания жителей города и наезжавших в город на съезды и конференции делегатов и собиравшихся на разные курсы крестьян и молодежи.

Была проявлена забота об учащих средних учебных заведений города, поступавших из сельской местности. Горсовет выделил помещения, а руководства учебных заведений благоустроили их для нужд проживания нескольких десятков юношей и девушек и позаботились об открытии небольших столовых для них. Не ослаблялась забота о быте питомцев детских домов, которых в городе было достаточно, и все они учились в школах города. Мною велась систематическая санитарно-просветительская работа среди всех заинтересованных групп жителей и учащихся и создавались санитарные посты при всех объектах и появились аптечки для доврачебной помощи и подготовленные люди для обращения с ними. Во всех коллективах больших советских учреждений и предприятиях города были организованы ячейки общества Красного Креста, аптечки и велось кружковое изучение оказания первой помощи пострадавшим.

Из всех перечисленных мероприятий сложились условия для улучшения общественного быта жителей, учащихся и приезжавших в город людей.

Началось благоустройство самого города – приводились в порядок тротуары, велось замощение проездных магистральных улиц, озеленялись улицы, усадьбы, городской общественный сад и школа Ленина. Охранялись пригородные леса.

Не забытой была река Уржумка, на которой появились отведенные места для пляжей и небольшие сооружения для раздевания. Появились спортивные площадки для физкультурников при школах и стадион для соревнований.

В каждую отчетно-выборную кампанию Горсовет информировал своих избирателей о проводившихся мероприятиях в городе, и вписывались в протоколы новые предложения избирателей наказного назначения. Мне, как члену президиума, поручалось выступать с

отчетом о работе горсовета на 3-5 избирательных участках и всего чаще перед неорганизованными избирателями. Это были ответственные выступления – требовалось быть всегда готовым ответить на многие вопросы, а иногда острые, явно провокационные. Классовая борьба еще не затухала. Несмотря на свою беспартийность в то время, я отвечал на все вопросы прямо, по возможности исчерпывающе и разъясняя. Для этого я вооружался знаниями решений съездов партий и советов, положениями о местных органах власти и материалами из печати. Обычно мне поручалось разобраться во всех протоколах после отчетно-выборной кампании и составить общий наказ избирателей за счет вписанных в протоколы предложений и пожеланий избирателей. Эту работу я выполнял со всей тщательностью и серьезностью и представлял пленуму горсовета в отредактированной форме. Эту работу я считал особо важной, политической и отдавался ей с большим желанием. Утвержденный пленумом наказ становился настольным в практической работе президиума, секций и всех депутатов.

Исключительными тесными были общение и деловое сотрудничество депутатов, это была школа обмена опытом. Большой популярностью среди избирателей и депутатов пользовался председатель горсовета переизбравшийся ряд созывов П. Я. Низовцев. Коммунист с 1918 года, из крестьян, П. Я. Низовцев обладал большими политическими знаниями, опытом руководителя и тактом организатора-наставника. Он внимательно прислушивался ко всем предложениям депутатов и избирателей на собраниях секций, президиума и использовал их для принимаемых решений.

Горсовет, придавая большое значение работе с избирателями, обязывал нас, депутатов, держать постоянную связь со своими избирательными участками, вести среди них политико-массовую и культурно-просветительскую работу, разъяснять проводившиеся мероприятия по городу, а также реализовать среди них некоторые суммы начавшихся внутренних займов для индустриализации промышленности, а также лотерейные билеты добровольных обществ – Осоавиахима, Красного креста. В те же годы началось вовлечение избирателей вкладчиками в сберегательные кассы. Эта нужная работа требовала от нас, депутатов, умелого подхода к каждому избирателю, большой разъяснительной пропаганды о перспективах строительства социализма. А обстановка усложнялась, так как классовая борьба вступала в острый период и противодействовавших скрыто элементов в городе было немало. Даже распространение периодической печати требовало немало содействия от депутатов агентству печати. В общем, следует помнить, что успехи достигались крохами, но из сумм крох складывалось большее преобразование взглядов и действий рядовых избирателей и содействие их проводившейся политике Советской властью и партией.

5. Пропагандистская работа в первую пятилетку

К началу пятилетки накопился мой пропагандистский опыт. Он был применён районными и городскими организациями. Масштаб и тематика выступлений расширилась и обогатилась. Я выступал с лекциями и докладами более чем по сорока темам, которые преподносились на более выдержанном методическом уровне. Мною охотно выслушивались пожелания и замечания многих товарищей, бывавших на моих лекциях, и всего больше их было со стороны моей жены – Л. Ф. – учительницы биологии. В эти годы я рос политически – я глубоко вчитывался в материалы XIV и XV съездов ВКП(б), стремился претворять их в меру своих сил и возможностей и в то же время почувствовал тяготение встать в ряды партии, но этому противопоставлял свое социальное происхождение и не решался подать заявление.

Назрел момент, когда в Уржумском районе нужно было начать объединение единоличных крестьянских хозяйств в сельскохозяйственные артели. Все видные местные коммунисты были используемы для агитационной и организационной работы. В помощь к ним привлекались и подготовленные беспартийные – активисты советской и профсоюзной работы.

Постоянно разъезжая по деревням, я часто по своей инициативе беседовал с группами крестьян о надвигающейся перспективной реорганизации сельского хозяйства, а также и новых агротехнических и зоотехнических мероприятиях в стране, имея при себе для распространения среди них до сотни книжек и брошюр, забравшихся из районного магазина книготорговли (не одна сотня экземпляров была распространена мною таким попутным образом).

В январе 1930 года мне было поручено Теребиловским волкомом ВКП(б), секретарем тов. Карачевым поехать в Адовский, Федорищевский и др. сельсоветы, в деревнях которых крестьяне сдержанно (даже отрицательно) встречали новое сельскохозяйственное нововведение. Он буквально сказал: *«Вас жители знают и чтят, Вам они больше доверятся, чем тем работникам, которые были там и не справились»*.

Я под предлогом неблагополучия в тех селениях в отношении инфекционных болезней выехал на длительное время, и проводил одновременно оздоровительные мероприятия, а по вечерам вел индивидуальные и групповые собеседования с крестьянами о перспективном значении объединения единоличных хозяйств в сельскохозяйственные артели в интересах подъема всего сельского хозяйства, и кое-что зачитывал из газет и имевшейся с собой литературы. Беседы были продолжительными и обстоятельными, приходилось с большим трудом доводить свои мысли до слушателей. Собеседования возымели влияние, и в течение двух-трех недель мне удалось провести ор-

ганизационные собрания изъявивших желание крестьян вступить в колхозы в семи деревнях, причем число вступавших колебалось от 7 до 20 хозяйств. Я с великой радостью возвратился с протоколами и передал в волком ВКП(б), что было одобрено секретарем тов. Карачевым, а мною было дано обещание повторять свои поездки в эти новые колхозы в порядке шефской помощи.

В первой половине 1930 года был сформирован Уржумский район (в порядке районирования по новому административно-территориальному делению) и были известны цифры о ходе коллективизации в районном масштабе за 1928 и 1929 годы – они гласили, что объединением охвачено было 3,6% в первом году и 9,8% – во втором. В январе и феврале 1930 года коллективизация велась в спешных темпах – по Теребиловской волости она была доведена почти до 50%, о чем в конце февраля сообщил на общем собрании работников медицинских учреждений города секретарь тов. Каачев, и там же он предположительно высказал перспективу повышения охватом коллективизацией к весне до 90% хозяйств. Я высказался против такого увлечения. За что там же получил внушительное замечание секретаря: *«Как это так, мы считаем Вас «гиперсоциальным» товарищем, а вы высказываете сомнение!»* Даже и после этого, я заявил, что свое мнение я не меняю, и добавил – новые колхозы пока организовывать не буду, а вот появившимся постараюсь помочь, чтобы они лучше подготовились к проведению весеннего сева, первого на коллективном поле.

Спустя менее месяца в центральной печати появилась статья генерального секретаря ВКП(б) И. В. Сталина *«Головокружение от успехов»*, в которой давалось предупреждение опасности, которая угрожает при спешке коллективизации. На состоявшемся пленуме Уржумского райисполкома (районирование уже осуществилось) проходило обсуждение указаний И. В. Сталина, изложенных в статье и докладчиком была названа моя фамилия в связи, что я более последовательно судил при организации колхозов, стремился не за количеством колхозов, а укреплению их в процессе освоения новых колхозных методов ведения сельскохозяйственного производства. Мне было несколько неудобно слышать такие слова, поскольку в вопросах коллективизации был далеко не искушенным и теоретически и практически. Вспоминаю, что каждый выезд в те колхозы, в организации которых я участвовал, проходило немало собеседований, в которых выслушивались весьма интересные и дельные мнения самих местных организаторов колхозного дела и моя миссия ограничивалась либо одобрением либо дополнением полезных информации, заимствованных из печати или литературы, где показывался опыт колхозной жизни других, ранее появившихся колхозов. Товарищеское общение и выдержанность укрепляли наше взаимодоверие и сотрудничество в интересах пре-

одоления всех трудностей, встречавшихся молодыми колхозами на пути. Вскоре эти колхозы обрели себе нужный практический путь и постепенно, вводя мероприятия, успешно осваивали артельное сельскохозяйственное производство.

Небольшая организационная работа в колхозном движении меня натолкнула, как руководителя санитарной организации, на мысль, что необходимо безотлагательно заняться серьезно санитарным оздоровлением труда и быта колхозников в плане проведения культурной революции в колхозной деревне. Санитарные условия были крайне низкими – они не создавали безопасности от возникновения и распространения разных болезней, мешавших жизни крестьян.

Я по своей собственной инициативе и долгих размышлений решил создавать в каждом колхозе санитарно-бытовые комиссии и разработал временные положения о них в числе 31 параграфа, содержащих программу действий для колхозников во имя здоровья и жизни. Положения размножались и распространялись, они встречались с одобрением и ими стали руководствоваться сельские медицинские работники, колхозники и имевшийся санитарный актив. Развернулась широкая санитарно-просветительная работа почти во всех колхозах.

О своем начавшемся оздоровлении колхозов я поставил в известность Горьковский крайздрав, в ведении которого после районирования находился Уржумский район с ... года. Кайздрав одобрил наше начинание и рекомендовал продолжать. Возможно, это и обусловило решение крайздрави включить меня в делегацию на Всероссийское совещание врачей колхозов-совхозов в числе шести человек от края. Совещание состоялось 10-14 декабря 1930 года в г. Москве.

За два месяца до совещания я находился на курсах специализации санитарных врачей в Ленинграде. Как член предметной комиссии от цикла по коммунальной санитарии я обратился к руководителю цикла проф. К. Э. Добровольскому с просьбой – включить в программу цикла лекции по оздоровлению условий труда и быта в колхозах. Спустя неделю профессор сообщил, что в Ленинграде не нашлось соответствующего лектора, и он предложил читать лекции мне, поскольку я дал проект тем и уже располагал кое-каким опытом. От этого предложения я отказался.

Приехав с курсов на совещание, я поделился там в своем выступлении об опыте работы санитарно-бытовых комиссий, созданных нами. Мое выступление привлекло внимание наркома здравоохранения РСФСР М. Ф. Владимирского; он пригласил меня сделать подробное сообщение на коллегии в течение 35-40 минут. Сообщение встретило одобрение, и было рекомендовано продолжать формирование санитарно-бытовых комиссий.

***

Курсы специализации и всероссийское совещание врачей еще больше способствовали усилению санитарно-оздоровительной и пропагандистской моей деятельности. В условиях проводившейся коллективизации в районе росло желание как можно больше содействовать этому важнейшему политическому мероприятию.

В апреле 1930 года я подал заявление о приеме меня в сочувствующие ВКП(б), и был принят ячейкой, объединявшей коммунистов просвещения и здравоохранения, единогласно, а рассмотрение райкомом ВКП(б) было отложено надолго. Оно было рассмотрено на бюро райкома в феврале 1931 года и было вынесено решение «воздержаться».

В 1929-1930 и 31 годах я, как приписанный к территориальной части, проходил трижды военные сборы по 45 дней, первый раз в рамках отдельного батальона, а в последующие разы – полка. Территориальный полк обучал вневойсковиков почти всей районов бывшей Вятской губернии. Во время сборов я привлекался к пропагандистской работе довольно в широком плане среди всех слоев военнослужащих и санитарной работе в своем батальоне. Командование, политотдел полка замечали мой успех выступлений, как перед красноармейцами, так и перед командирами. С каждым сбором расширялась тематика моих выступлений. Я не отказывался от простых беседований с рядовым составом в свободные часы от военных занятий, а также пользовался любой возможностью для беседований в походных занятиях, на привалах. В числе тем беседований видное место принадлежало вопросу колхозного движения, так как большинство состава вневойсковиков было из крестьян – либо вступивших, либо не вступивших еще в колхозы. Мои лекции и беседования нередко велись в присутствии представителей политчасти полка, которые давали о них ободряющие отзывы и, видимо, поэтому я был относим к числу опытных пропагандистов.

Большое участие я принимал во всех проводившихся лагерных и походных мероприятиях и в связи с этим устанавливались самые близкие деловые отношения с командным составом, начиная от командира батальона и кончая ротными, взводными и отделенными командирами, которых хорошо знал в лица и пофамильно.

В те сборы велось строительство лагерного городка и участие полка в помощи ближайшим совхозам. Я часто вносил свои рационализаторские предложения по более экономному использованию расходовавшихся живых сил на то или другое строительство или сельхозработы, как то: при строительстве тира для полка, по рытью траншей для силоса и др. Активно участвовал в подготовке и проведении походной жизни и маршей с наибольшим сохранением боеспособности личного состава подразделений.

При соревнованиях между подразделениями (ротами) мне почти всякий раз удавалось с подразделением, которое сопровождал как врач, выходить на первое место. Это достигалось целой толковой пояснений личному составу как лучше подготовиться к выступлению и как вести себя на марше, причем инструктаж продолжался в ходе движения и на привалах. Это приносило подразделению успех.

Не может быть забыт один случай (июль 1931 года), когда в одной из рот, следовавшей со стрельбища в химгородок, из-за нарушений правил вождения в знойных условиях (был жаркий день) случился массовый тепловой удар – свалилось 26 рядовых, и все другие были близки к этому. Будучи дежурящим в химгородке с отделением санитаров, я принял самые энергичные меры по ликвидации тяжелого состояния роты, для чего мобилизовал ряд командиров, включая и командира батальона, оказавшегося в то время в химгородке. Успех был полный, все 26 были выведены из бессознательного состояния, а в отношении всех остальных были предприняты все необходимые профилактические меры по предупреждению теплового удара (обливание водой из лесного колодца, извлекавшейся котелками на поясных ремнях). Пострадал только командир роты, нарушивший гигиену марша. На него было наложено серьезное дисциплинарное взыскание командиром полка.

За проявленную оперативность по спасению жизни командование отметило благодарностью и премией. Мне такое внимание было не по себе, так как я действовал не один – у меня было много помощников.

Если до прохождения военных сборов я участвовал в узких военно-оборонных мероприятиях по линии местного военкомата и добровольных организаций Осавиахима и РОКК, то в годы сборов и после я оборонной работой занимался более целеустремленно, многогранно и постоянно. Я оказался единственным преподавателем военно-санитарного дела для педагогического техникума, средней школы, а с организацией медицинского техникума в 1931 году вел преподавание этого предмета. В нем по 24 часовой программе в течение пяти лет, а также по поручению райвоенкомата проводил несколько курсов переподготовки средних медицинских работников запаса. Проводившиеся местные сборы вневойсковиков обеспечивались мною организацией необходимых санитарных условий и проведением выделявшихся часов санитарной подготовки по программе сборов.

Вся эта работа побуждала расширять свои оборонные знания по доступной в то время литературе и усиливая распространение знаний среди простых людей. Немало пользы приносили проводившиеся мною семинары с медицинскими работниками

и с санитарным активом общества красного креста по усилению подготовки людей в кружках первой помощи со сдачей норм ГСО.

Все больше и больше включалось людей из бывших вневойсковиков, а также окончивших кружки первой помощи в работу санитарных комиссий колхозов. Санитарная организация ощущала большую помощь, а также и сельские медицинские работники со стороны быстро возраставшего коллектива лиц желавших вести оздоровительные мероприятия в колхозной деревне.

***

в первую пятилетку высоким был патриотизм советских людей, с которым они превращали решения съездов партий и следовавшие призывы и специальные постановления ЦК ВКП/б/ и СНК СССР в те годы. Их было немало. До сих пор остаются незабытыми такие специальные постановления, как об усилении медицинского обслуживания рабочих промышленных предприятий и новостроек, и работников совхозов и колхозов 1929 года, о санитарном минимуме – 1930 года, о жилищном и коммунальном строительстве, об общественном питании и др. Мы называем те, которыми вплотную обязаны были заниматься работники здравоохранения и которые направляли профилактически оберегать людей, занимавшихся индустриализацией и коллективизацией.

Перед нами – работниками санитарной службы – вставало в местных условиях множество практических задач, что можно было растеряться, но все же мы действовали как смогли и вспомним о пережитом и содеянном.

Жители района не оставались в стороне от общегосударственных мероприятий. Они, как и все советские люди, помогали государству реализацией выпускавшихся займов первого и второго года пятилетки, третьего – решающего и четвертого – завершающего годов; много людей, в особенности, из молодежи, вербовалось на новостройки и в промышленность; в пределах района расширялась заготовка продуктов питания для снабжения ими рабочих центров. Эти мероприятия проходили при активном участии работников здравоохранения не только как специалистов-медиков, но и как активных общественников.

В районе, как и по всей стране, развернулась острая классовая борьба, – шла ликвидация кулачества, как класса, которое всячески противодействовало проведению коллективизации. Многим из нас нужно было участвовать решительно в проводившихся мероприятиях. Мне, как относившемуся к общественному активу района и депутату городского совета, находилось определенное место в жизни в условиях первой пятилетки. Я еще больше вел пропаганду целей и задач проводившейся политики партий и со-

ветской властью среди жителей района и города, совмещая эту работу с усилением своей основной – санитарно-эпидемической. Все годы мною успешно распространялись внутренние займы благодаря множеству выступлений перед трудящимися в деревнях и кварталах города, в которых рисовалась перспектива подъема экономики и всего сельского хозяйства. В ряде мест останавливался на необходимости, особенно молодежи, участвовать в пополнении рядов рабочих в промышленности на новостройках. Немало находилось желающих, и они вербовались далеко за пределы края и внутри его. Санитарной службе нужно было обеспечить отправку завербованных строгим соблюдением санитарных требований в отношении состояния здоровья, предохранительных прививок и подтверждения о санитарном благополучии селений, из которых ехали добровольцы. С каждым формировавшимся отрядом велись напутственные санитарные наставления, чтобы сохраняли свое здоровье в пути. Ни разу не было претензий к нашей санитарной организации с мест, куда прибывали наши добровольцы.

Очень большие давались задания району по заготовке разных продуктов для усиления снабжения рабочих. Так расширялось производство молочно-сыроваренных продуктов, мяса, овощей, грибов и ягод. Все места производства и заготовок-переработки продуктов находились под регулярной проверкой санитарного надзора. Ни одна партия не могла быть отправленной без подтверждения санитарных условий заготовок и качества вывозимой продукции. С заготовителями и рабочими нами велась широкая разъяснительная работа, а также из их среды выдвигались общественные санитарные уполномоченные, обязанные следить за чистотой процесса и колхозов и кантарки продукции в бочки, ящики, мешки. Редко мы получали сигналы от своих уполномоченных, но сами появлялись в местах заготовок довольно часто и внезапно. Результаты получались удовлетворительные – планы заготовок перевыполнялись, а качество продукции было таким, что в адрес заготовителей поступало немало благодарностей и премий.

Все эти успехи достигались содействием нам всех районных уржумских организаций и множества общественных помощников.

***

В Уржумском районе оживленно развертывалась оздоровительная работа по всем 44 сельским советам с 419 населенными пунктами на фоне расширявшейся коллективизации, которая к концу пятилетки охватила 39,5% единоличных хозяйств.

Райздрав с санорганизацией и медицинские учреждения оперативно перестраивали свою работу, стремясь содействовать оздоровлению условий жизни в колхозной деревне и улучшая медицинскую помощь самим колхозникам. Правда, не обошлось без некоторых недоразумений, допускавшихся в суждениях отдельных медицинских работников, недопонимавших своих задач в темпах проходившей перестройки деревень на колхозный лад. На руководство здравоохранением в качестве инспектора выдвигались лица без медицинского образования (В. И. Огородова, Т. М. Попова), поэтому постоянные консультации им велись заведующим районной больницы врачом В. К. Двиняниновым и мною, что благоприятно складывалось для развития здравоохранения в условиях коллективизации и при повышающихся новых требованиях. Все медицинские работники нуждались в известной степени в идеологическом воспитании, чтобы понимать их роль в здравоохранении и, в особенности, в профилактике болезней и общественной деятельности среди населения. Для этого созывались районные совещания медперсонала, на которых выступали с установками руководители районных организаций, приезжавшие из краевого центра специалисты и, конечно, все медицинские специалисты Уржумского района. В эти годы несколько прибавилось новых врачей и фельдшеров в связи с выделением нескольких медицинских специальных видов обслуживания и увеличением фельдшерских медицинских пунктов. К началу коллективизации и в первые ее годы появились специальные отделения в районной больнице – акушерско-гинекологическое – с соответствующими специалистами-врачами с опытом и стажем работы и одновременно были организуемы рентгеновский и физиотерапевтический кабинеты, бактериологическая лаборатория с врачами-специалистами во главе их. Заметно повышалась творческая активность врачей по усилению и улучшению медицинского обслуживания колхозов. Значительно улучшилась работа фельдшерских пунктов благодаря более систематическому руководству ими со стороны райздрава и проявлению в работе самих фельдшеров (Н. Т. Вершинин, С. А. Баранович, А. В. Волжин, А. П. Ветошкина, Н. И. Перельман, В. Н. Доброва и др.).

В организованных колхозах и коммунах была большая потребность в новых кадрах – требовались полеводы, животноводы, а также воспитательницы для детских яслей и площадок, открывавшихся ежегодно с ранней весны до поздней осени, повара для столовых и др. Районные организаторы разных курсов подготовки привлекали санитарного врача для освещения вопросов оздоровления условий жизни в колхозах, а райздрав поручал ему ведать курсами подготовки воспитательниц для детских колхозных учреждений. Эта нужная работа захватывала и увлекала своей перспективой. Много затрачивалось времени на организацию каждой новой очереди собранных кур-

сантов из колхозов и еще больше вкладывалось усилий на подбор преподавателей, программы обучения и проведение самих занятий. Не все шло благополучно, успех достигался усилиями всех. Возвращавшиеся после курсов колхозницы-воспитательницы с энтузиазмом и успешно вели свою нужную работу, высвобождая многих женщин-матерей для работы в поле, когда каждая пара рабочих рук учитывалась. Вспоминаются многочисленные собеседования с обучавшимися для колхозов помощницами во время пребывания их на курсах и после, когда они самостоятельно вели практически руководство и обслуживание детских яслей и площадок. Изумительные сохранились образы многих ретивых тружениц, которые имели совсем небольшое до курсов образование – начальную школу, а то и всего два-три года обучение в школе, а работали они образцово (коммунистка Матеркова и др.). Хотя все эти мероприятия осуществлялись с преодолением многих встречавшихся трудностей, но дружная работа районных организаций, медиков и заинтересованных колхозов совершала победоносное движение за привитие санитарной культуры в колхозной жизни.

***

В годы коллективизации нужна была большая помощь медиков непосредственно в самих колхозах, число колхозов в районе росло и достигло в 1936 году свыше 80, которыми было охвачено 90,2% единоличных хозяйств.

Весьма омоложенным был транспорт – в первые годы служила конная тяга, машин же не было и они появились в небольшом числе и значительно позднее.

Отсутствие транспорта у санврача компенсировалось личным велосипедом, на котором он при благополучной погоде катился по любому сигналу в любом направлении района, имевшего разбросанность деревень до 35 километров в среднем по отдаленности от Уржума. Тысячи покрытых километров на велосипеде по знакомым грунтовым дорогам и тропам помогали неотложным оперативным действиям в разных селениях района и давали большую экономию времени. Во время же раннего весеннего сева и велосипед не выручал. Тогда санврач совершал пешим образом кольцевое путешествие по 10-12 колхозам, удаляясь вначале и приближаясь в конце к Уржуму, имея за плечами рюкзак со всеми нужными медицинскими средствами для практической помощи. Выполнялась самая разнообразная работа – осмотры больных, осмотры детей в школах, яслях, на площадках, санитарная проверка пищевых объектов и водоемисточников и повсеместная культурно-просветительная пропаганда среди взрослых и детей. Живое непосредственное общение с широкими массами колхозников приносило огром-

ное удовлетворение и, конечно, не могло быть охватываемо каким-либо формальным учетом. Все делалось ради здоровья и благополучия колхозников.

Приведем несколько запечатлевшихся примеров из тех лет.

В 1931 году в начале марта по предложению райкома и райисполкома ветеринарный врач Н. Н. Полянский и санитарный врач объезжали в течение двух недель девять колхозов Адовского, Байсинского и Буйского сельсоветов – ветврач проверял состояние и содержание домашних животных, в особенности лошадей, а я проверял здоровье колхозников и учащихся, оказывал помощь больным. Вечерами проходили встречи с колхозниками, на которых тем и другим читались лекции и велись продолжительные после них собеседования по разным вопросам. Они продолжались долго, 4-6 часов, так как злободневных вопросов колхозниками поднималось очень много. Эти вечера оставляли добрую память у них и у нас на долгое время. В одном из колхозов перед уходом с собрания я объявил колхозникам, что с утра пойду по избам и проверю, как живут колхозники – «чисто или грязно».

Утром, проснувшись, услышался вопрос хозяйки: *«Как вам, гостеньки, спалось?»*, мы ответили: *«Прекрасно»*. На это она бросила реплику: *«Вы-то спали беспробудно, а вот деревня вся не спала. Во всех домах горели огни, и шла чистка жилищ»*. Я на это сказал: *«Ну что же?.. Посмотрим, что натворили селяне ночью в своих домах»*.

После завтрака, взяв с собой двух женщин-активисток, я пошел с ними по избам. Избы за ночь посвежели изрядно – были отбелены русские печи и подтопки, помыты окна, полы, стены, предметы обихода и посуда, начищены самовары и даже прилично прибраны постели на кроватях и полатах. Однако не ускользнули от глаз укрытые в разных местах некоторые трофеи – грязные чулки, полотенца, квашенники, посуда и собравшиеся после ночного погрома кучки тараканов. Это очень огорчило многих хозяек, и они бросали вслед реплики: *«Какой остроглазый, нашел чем нас упрекнуть!»*. Много было шуточных фраз брошено и жителями, и мною, пока шла такая «генеральная» проверка быта колхозников. Обход на половине деревни был оборван, и в оставшееся небольшое время для отъезда в следующий колхоз была прочитана по просьбе женщин лекция **«Как меньше и реже рожать детей»**, на которую в течение получаса в просторную большую избу собралось послушать свыше ста женщин. Тепло проводили женщины меня, когда я подсел к своему спутнику-ветврачу, и с ним быстро уехали в другой колхоз.

В мае того же года я был включен в одну из двух культбригад для обслуживания колхозников во время весенней посевной. Бригада в 13 человек в составе руководите-

ля, работника РК ВКП(б) Т. Комлева, агронома Шамова, меня и 10 участников художественной самодеятельности из четырех служащих и шести учащихся уржумских средних учебных заведений объехала по графику и маршруту до 12 колхозов Пустопольского, Лопьяльского, Селенурского, Витлинского и Шиншерьского сельсоветов. Ровно 18 дней проходило наше путешествие и все дни были насыщены разными проводившимися мероприятиями. Бригада действовала организованно, сплоченно и безотказно целыми днями. На мою долю легло много дел – осмотр и обслуживание больных, детей в школах и детских яслях, проверка столовых и источников водоснабжения, выступление с лекциями и помощь в художественных постановках и участие в концертах, а также редактирование «Раешника» совместно с учеником средней школы А. Шагаловичем по материалам, собиравшимся по каждому колхозу.

Деятельность бригады отвечала задачам политики партии – она не пропускала имевшиеся факты подрыва колхозной жизни кулачеством и их включала в «раешники». В колхозе Пустопольского сельсовета настолько были остро осмеяны проделки кулачества, что они вознамерились (осмеянные) устроить расправу над активистами бригады. Но дело обошлось благополучно. Бригада после постановки возвратилась ночью не обычной дорогой, а обходной, и избежала засевших для расправы злопыхателей. Бригаду выручил один из колхозников, узнавший затею кулаков.

До сих пор хранящаяся фотография членов бригады восстанавливает все стороны выполненной работы, очень нужной в те годы и имевшей огромное влияние на нас – участников ее. Мы оказывались в сфере происходившей большой перестройки жизни в деревне в условиях коллективизации, в которой было еще множество трудных для решения вопросов и немало противодействий со стороны уходящего класса – кулачества. Для меня работа в бригаде была одной из содержательных страниц в политическом росте и убежденности, что надо еще глубже вникать в задачи, предусматривавшие революционный переворот в сельском хозяйстве.

17 августа 1931 года я вернулся с третьего лагерного военного сбора. Мне в райисполкоме сообщили, что в Уржуме с осени открывается Горьковским крайздравом медицинский техникум и на меня возлагается подготовка к организации его в качестве временного директора. Ситуация складывалась сложная – предстояло днями трудиться с 1 сентября врачом призывной комиссии, а вечерами и в выходные ни созданием базы для техникума.

Конечно, я действовал не один – мне помогали многие товарищи из разных организаций, но одновременно требовалось ремонтировать отведенные помещения для учебных занятий и для расселения учащихся, подбирать преподавателей общеоб-

разовательных и специальных дисциплин, заводить хозяйственный инвентарь и заботиться о наборе молодежи в техникум и о приеме переводимых учащихся, начинавших образование в г. Нолинске, где несколько месяцев существовал техникум на случайной базе в средней школе и не имел условий для своей перспективы.

***

В течение сентября была организована достаточно приличная обстановка для начала занятий, нашлись опытные преподаватели для постоянной и почасовой работы по общеобразовательным дисциплинам, а также охотно согласились местные врачи преподавать специальные предметы и стали готовиться к этому заблаговременно, были приобретены хозяйственные предметы и мебель, постельные принадлежности для учащихся и самым беспокойным был прием молодежи, которую надо было заинтересовать новым учебным заведением гуманитарного профиля, когда вся молодежь была увлечена техническим образованием. Мною и всеми медицинскими работниками района велась работа по подбору молодежи и не были упущены из виду жители города, из которых нашлись желающие поступить в техникум, оставляя работу в учреждениях. Много было проведено индивидуальных собеседований, когда приходили группы колхозной молодежи, интересовавшейся условиями приема. Приемные испытания и комплектование первых двух отделений техникума – техников по уходу за больными и акушерского – были проведены вполне успешно. На всю жизнь осталось памятным 10 октября, когда в Уржумском техникуме начались первые занятия с первыми учащимися, и было удовлетворение, что поручение районных организаций было выполнено полностью.

Мне пришлось включиться в преподавание общей и социальной гигиены, методики санитарного просвещения и военно-санитарного дела с общим числом по учебному плану в 140 часов на двух отделениях (параллельно). Трудность предстояла большая – основательно готовиться по каждому предмету и когда не было для учащихся стабильных учебников, они должны были вести записи за преподавателями.

Вскоре появился постоянный директор, каким была назначена член ВКП(б), педагог по образованию, К. П. Елкина, которой был передан мною техникум, а я временно оставался заведующим учебной частью. Работу в техникуме приходилось вести по совместительству, так как основная должность районного госсанинспектора не могла быть оставляема ни на один день, ввиду отсутствия специалистов не только в Уржуме, но и нехватка их в крае была большая. Оглядываясь в прошлое положение, теперь жутким кажется тот переплет исполнявшихся обязанностей, в кругу которых пришлось

трудиться, заканчивая первую пятилетку и работая во вторую. Это были такими годами, когда наблюдался большой подъем всей общественности в политической и хозяйственной жизни, в культурной и оздоровительной работе. Мне представлялась полная возможность оперативно использовать себя с маневрированием в часах и днях, чтобы справляться со всеми своими делами по санитарной службе в районе, по общественной в городе и педагогической в медицинском техникуме. В этом мне оказывалось полное содействие со стороны всех заинтересованных организаций и я справлялся сравнительно успешно, имея всегда удлинненным рабочий день и занятым почти все выходные дни серьезной творческой подготовкой для предстоявших дел.

В преподавании большие затруднения возникали по «Методике санитарного просвещения» – программа была большая и интересная, а учебника в первые два года не было. Нужно было выискивать пути самому – этому помогал накопленный опыт активной санитарной пропаганды и большое знакомство с этим вопросом по страницам печати. Мне удавалось пробуждать интерес молодежи к этому предмету как своими объяснениями, так и вовлечением в тематические задания, которые захватывали и увлекали ее.

***

Задания: оформления заметок и статей на санитарные темы для стенных газет, составление планов и содержания лекций, бесед на медицинские темы, разработки художественных форм пропаганды – составление живых газет, постановка имевшихся театральные пьес и др. Начиная с 1932 года учащиеся медицинского техникума нередко выступали перед широкими аудиториями трудящихся и в городе, и в ближайшем подшефном Русско-Тимкинском сельсовете со своими творческими коллективными художественными постановками на санитарные темы и все участвовали в санитарном просвещении, проводя беседы среди разных групп населения, и особенно много во время производственной практики, проходившей в сельских больницах. Таким образом преподавание методики санитарного просвещения способствовало расширению и углублению санитарно-просветительской работы среди населения, что было очень важным и нужным в подъеме санитарной культуры в колхозной деревне. Наша совместная работа с учащимися была настолько примечательной, что я как преподаватель был отмечен за увязку успешного преподавания с еще более успешной просветительской работой среди широких слоев населения благодарностью и премированием в день 8 марта 1932 года (поездкой в Москву за счет техникума).

Так началась и так стала возможной работа одновременно на большом фронте здравоохранения района и подготовки медицинских кадров в стенах техникума.

***

Большое освещение жизни района давала районная газета **«За коллективизацию»**. Ее первый редактор (фамилия забыта) заботливо формировал коллектив селькоров, а также привлекал для участия в газете нас – разных специалистов, связанных с обслуживанием сельских жителей. Я охотно участвовал в газете, используя ранее приобретенный опыт в газете **«Красный пахарь»**. Писал разные статьи, вырезки которых сохранились до сих пор. Например, в 1930 году были опубликованы статьи: *«Творцы социализма должны быть здоровыми»*, *«За здоровую смену»*, *«Санитарный минимум»*, *«Стройте общественные бани»*, *«Берегите здоровье»*, *«На борьбу с сыпным тифом»*; в 1931 году: *«Обеспечить пополнение Красной Армии здоровой молодежью»*; в 1932 году: *«За здоровую подготовку юношей к призыву»*. Мною много писалось статей для стенной газеты районной больницы, стенных газет колхозов и лесоучастков после проверки этих объектов. За нашим обращением последовали некоторые медицинские работники, учащиеся медицинского техникума, сельские учителя, которые писали статьи и заметки санитарного содержания, что помогало усилению оздоровительной работы в колхозах района.

Тесное и частое общение с колхозниками подсказывало новые и новые темы для выступлений во второй половине первой пятилетки, что служило повышению самодеятельности за здоровый быт. Все больше и больше становилась необходимость в расширении антирелигиозной пропаганды. Соблюдавшиеся религиозные праздники весьма часто отвлекали колхозников от срочных сельскохозяйственных работ. Сочетание атеистической пропаганды с санитарным просвещением вполне было возможным.

В годы первой пятилетки возросли планы заготовок древесины, которой был богат район. Древесина была нужна длястроек и экспорта. Каждому колхозу нужно было выделять рабочую силу и обеспечивать выполнение разрядок обычным ручным трудом и конной тягой. Многие еще колхозники цепко придерживались религиозных традиций праздновать рождество, масленицу, которые совпадали с наибольшими возможностями для лесных работ, и в эти праздники наблюдался большой отток рабочей силы из лесов в деревни. Выполняя указания районных организаций, я ежегодно дни масленицы проводил в лесоучастках, где проводил санитарную проверку и очень много вел культурно-просветительных лекций и бесед по расширенной тематике. Обычно заблаговременно предупреждались лесоучастки о моем приезде и даже давался проспект выступлений, как например лекции: *«Новости медицины»*, *«Медицина и религия, знахарства и суеверия»*, *«Гигиена семьи и брака»* и др. В эти лекции вносилось немало сведений научного атеизма. После лекций завязывались откровенные собеседования о религиозных

праздниках и постах, об обрядах и суеверном характере их, о больших тратах народных средств на очаги культа и содержание служителей культа в прошлом и содержавшихся в то время. Такие же почти выступления имели место среди вневойсковиков-колхозников, сборы которых проходили в зимнее время в казармах г. Уржума. Фронт общения с колхозниками был широк, ведь этой же работой заполнялись мои выезды в колхозные деревни.

В годы пятилетки возникла большая потребность в металле для этой цели стали сниматься колокола с церквей. Требовалась глубокая разъяснительная работа среди верующих, чтобы они добровольно пошли на помощь государству. Слушатели-верующие в большинстве добровольно присоединялось к снятию колоколов (а некоторые говорили: «Можно обойтись и без них»). Мне очень часто приходилось встречать довольно открытое высказывание слушателей по затрагивавшимся мною атеистическим вопросам, а также выслушивать разные высказывания, в которых находили отражение полезные мысли. Такая взаимная беседа давала и хорошие результаты, многие из слушателей доводили полученные знания до членов своих семей и до односельчан.

Уржумская организация Союза воинствующих безбожников в годы первой пятилетки окрепла приливом в члены многих служащих комсомольцев, колхозников, рабочих. Атеистические знания находили отражение в комплексных учебных планах школ и техникумов. Такие педагоги как физики, химики, биологи, обществоведы, медики вносили много нового в формы и методы атеистического воспитания и пропаганды. Часто читались квалифицированные лекции с демонстрацией наглядных опытов, опровергавших разные сказки о чудесах мощей, икон и других святостей. Заметно слабела дисциплина в общинах культа, не так легко находились желающие состоять в двадцатках, чтобы брать под свою ответственность здания церквей и усилилось движение отхода от церквей прихожан, сопровождавшееся приговорами о закрытии церквей. Так позакрывались церкви в Лопьяле, Ашлани, Билямори, Петровском, Лазаревке и других селах, а здания стали использоваться для школ, клубов и других надобностей. Мне приходилось несколько раз выступать с лекциями перед колхозниками в зданиях новых клубов и школ, где год-два тому назад совершались церковные службы. Это еще больше вдохновляло чаще и убедительнее строить свои выступления, чтобы побольше людей высвободить, во власти которых они пребывали десятками лет. Даже служители культа стали снимать свой духовный сан и переходить на трудовую жизнь.

Памятным навсегда остается начавшееся отступление от религии широкого крестьянства в условиях успешно развивавшейся перестройки деревни под колхозный строй.

Напряженной продолжалась обстановка в 1931 и 1932 годах в Уржумском районе. Усиленно перестраивалась деревня, шла ликвидация кулачества, проходила вербовка рабочих на новостройки, требовалось много рабочих рук для сезонных работ на лесозаготовки и лесосплав, на работы в судоремонтном Аркульском затоне – основном для флота реки Вятки.

В районе не прекращались случаи сыпного тифа, малярии, брюшного тифа, дизентерии и др. инфекций. Маломощная санитарная служба и все медицинские работники района обязаны были проявлять высокую бдительность и большую оперативность при появлении новых случаев заболеваний.

Большая надежда возлагалась на активность общественности. Санитарная организация с каждым годом расширяла ряды санитарного общественного актив, привлекая колхозников, комсомольцев, женщин к проведению оздоровительных мероприятий. Все они оказывались драгоценными помощниками в деле здравоохранения, без них нельзя было справиться с множеством возникавших дел. Они своевременно поднимали тревогу, давая сигналы из деревень, они первыми включались в помощь нам, когда мы приезжали в селения и лесоучастки. От нас требовалась усиленная агитация среди населения и ее проводили при самом живом участии актива – они обеспечивали сбор жителей на лекции и беседы и они же были хорошими бригадирами по проверке односельчан в отношении чистоты в жилище и добивались наведения порядка.

Всего лучше можно продемонстрировать роль общественности на конкретных примерах из практики этих лет. Начнем с лесозаготовок.

Все лесоучастки выглядели много благоустроеннее, чем были когда-то. Для проживания лесорубов были отстроены бараки, хорошо обогреваемые, в ряде участков появились столовые, пекарни, красные уголки, небольшие бани и даже медицинские пункты (Жигалово, Устье Кильмези). В лесоучастки посменно прибывали колхозники-лесорубы из разных колхозов и сельсоветов. Привлечение рабочей силы регулировалось санитарной службой – не допускались заезды лесорубов из неблагополучных селений в отношении сыпного тифа и др. болезней. Эту предосторожность выдерживали все районные организации. Санслужбой все селения, расположенные по правому берегу реки Вятки на протяжении всех лесоучастков были взяты под усиленное санитарное наблюдение, поскольку они были смежными с лесозаготовками и с Аркульским судоремонтным затоном. Очень много проживало в этих деревнях постоянно работавших рабочих и служащих в лесоучастках и затоне. Здесь велась постоянная санитарно-просветительская работа и хорошо трудились активисты – наши помощники. Практико-

валась регулярная подворная проверка, при обнаружении больных срочно вызывались медицинские работники с пунктов и из Шурминской больницы.

Я уделял большое внимание инструктажу общественных санитарных уполномоченных и всякий раз привлекал их к обходам на лесоучастках барачных, столовых, пекарен и других общественных мест, указывая, на что надо обращать особое внимание и как добиваться устранения замеченных санитарных нарушений. Такая кропотливая работа с активом полностью себя оправдывала – они действовали направленно и решительно или сообщали санорганизации. Не оставались без собеседований сторожа барачных, повара, пекари, продавцы ларьков, а после при последующих проверках к ним проявлялась требовательность. Всякий раз я с особым удовлетворением вписывал в контрольный журнал свои положительные отзывы о повышавшейся культуре обслуживания лесорубов.

Леспромхоз и районные организации положительно оценивали нашу работу, обеспечивавшую бесперебойную заготовку древесины в соответствии с планами и нуждой в ней государства.

Приведем интересные некоторые эпизоды, которые заслуживают внимания.

В 1932 году меня ночь настигла в глухой лесной сторожке в глубине леса по реке Немде – местечке, именовавшемся Красный Яр. Там же заночевал прораб участка Г. И. Морозов. Ночью, спросонок до меня долетели слова: *«Умирает лесоруб в одном из барачных»*. Я, быстро вскочив, спросил: *«Где, кто умирает?»*. Ответ: *«В Барочной»*, в пяти километрах от ночлега. Я сразу отправился по лесу к Барочной. Была лунная, морозная ночь, в лесу было светло как днем. Под скрип ног я быстро дошагал до Барочной и вбежал в барак, где светился огонек. При входе услышал стон: *«У-у-мии-рааа-ю»*. Около больного сидел его односельчанин. Быстро сориентировавшись в осмотре больного, установил «заворот кишок» и тут же организовал отправку больного в Уржумскую больницу, к хирургу, за 30 километров, уложив больного на толстый слой сена и проинструктировав ездового как быстрее и бережливее доставить больного. Выяснилось, что лесоруб надорвался, когда на раскате дороги рычагом сдерживал тяжелый воз с бревнами 7-8 часов тому назад.

Через четыре недели этот лесоруб явился после операции ко мне на квартиру по направлению хирурга, чтобы поблагодарить, что он быстро был доставлен и был спасен своевременной операцией. Лесоруб был из деревни Геркулес и после при встречах с ним я шуточно подчеркивал, что он по-геркулесовски справился с постигшим его несчастьем и остался жить.

После оказания (помощи) я хотел вернуться на ночлег, но меня задержали лесорубы, предостерегая меня о волках, которые предыдущую ночь наседали на стойла лошадей и

едва их отогнали. А час назад, когда я шел к больному, у меня никакой тревоги о волках не было.

Весной того же года я был на рейде устья реки Кильмези, проверял бытовые условия рабочих по сплаву. Обычная работа прошла вполне успешно. Явился милиционер и попросил выехать на катере для экспертизы найденной человеческой ноги сплавщиками. Вместе с ним и со своим помощником выехали вверх по реке Кильмези и вскоре попали в беду. Выше по течению был затор «глухарей» (звеньев для сплотки больших плотов), и этот затор прорвался и на наш катер со всех сторон надвигались «глухари», которые могли мигом раздавить катер и погубить нас в холодной апрельской воде. Моя команда выручила из беды – все мы выскочили на «глухари», а моториста с катером защитили от «глухарей», упираясь руками и выводя катер на свободную воду. Беда миновала. После долго нас собирал моторист, нагоняя «глухари» с каждым из нас. Экспертиза установила, что нога женская, давнего омертвения (наличие жировоска). Как оказалось, нога была оторвана от трупа из размытого захоронения с кладбища с. Кильмези вешним паводком.

Вечер в тесном бараке был проведен в кругу сплавщиков за интересным товарищеским собеседованием с большой пользой, чего могло бы не случиться, если бы не злополучная нога. Нога была захоронена.

В том же году в начале мая отправлялся с лесоучастка большой плот с большим объемом древесины самосплавом под руководством опытных лоцманов. На плоте были созданы все бытовые условия для сплавных рабочих. В деревянных зданиях на плоту были жилые помещения, столовая, кухня. Мне нужно было дать заключение о санитарных условиях для походной жизни. Вместе с рабочими мы проплыли около 20 километров и вели с ними культурно-просветительную работу, беседовали. Плот плыл медленно, несмотря на штормовой ветер он держался ровно, не поддаваясь боковым ударам волн. Впечатление для нас осталось сильным и даже было желание сопровождать экипаж плота на всем протяжении, а он отправился до низовьев Волги. Несколько рабочих получили от меня полный инструктаж пользования аптечкой и оказания помощи при солнечном, тепловом ударе и утопающему, а также указания в отношении профилактики кишечных инфекций, постоянного наздора за питанием и питьевыми напитками в пути.

Плот провел свой навигационный маршрут без каких-либо происшествий и древесина полностью была доставлена по месту назначения. Экипаж был премирован.

6. Больше знаний в массы во вторую пятилетку

Успешно выполненная первая пятилетка вдохновила трудящихся района еще с большим подъемом взяться за выполнение новых задач, выдвинутых партией на второе пятилетие (1933-1937 гг).

В Уржумском сельскохозяйственном районе все шире и больше внедрялось в жизнь сельскохозяйственное коллективное производство. С особой радостью, можно сказать, с торжественностью колхозники встречали первые тракторы, прибывшие в район, они внимательно рассматривали стальных коней и буквально следовали за ними, когда они прокладывали первые борозды на обширных колхозных полях. Нам тоже было трудно отказаться, чтобы не увидеть своими глазами и не убедиться в силовых и скоростных качествах весьма нужных и облегчавших труд этих чудесных машин. С тракторами одновременно продвигались в колхозы грузовые автомашины, множество сельскохозяйственной техники – плугов, косилок, жаток, сортировок, веялок и других орудий труда.

Большое удовлетворение трудящиеся района получали от организационного укрепления и некоторого укрупнения колхозов после решений партии об усилении политическо-партийной помощи колхозному крестьянству. Направленные коммунисты из рабочих центров и городов подкрепляли ряды руководящих звеньев колхозов, этому же хорошо содействовали многие коммунисты, выделявшиеся местной районной партийной организацией в порядке постоянной шефской помощи.

Постепенно рос опыт членов правлений колхозов, бывших единоличников, бригадиров, животноводов, не обходилось без жгучих суждений и споров между ними, чтобы артельно решать новые и новые вопросы, встававшие перед колхозами и наводить строгий колхозный распорядок.

Существенное подкрепление колхозному движению в районе стали оказывать появившиеся Машинно-тракторные станции в селах Шурме, Буйском и созданные при них политотделы по решению пленума ЦК ВКП/б/ 1933 года для политического-партийного руководства и воспитания руководящего и рядового состава колхозов района.

Для нас – работников здравоохранения, был совершенно ясным, что при приближении к завершению сплошной коллективизации крестьян района мы должны провести коренную перестройку медицинского обслуживания колхозников и настойчиво искоренять бытовую отсталость, антисанитарию, ликвидировать чесотку, трахому, кишечные, паразитарные инфекции и поднять здоровье колхозников, чтобы они могли успешно строить социализм в деревне своими руками.

Район испытывал разрыв между наличием медицинских работников и тем, что предстояло им сделать почти безотлагательно. Путь к этому был один – нужно было во всей оздоровительной работе опираться только на самих колхозников, а для этого нужно было всячески усиливать свое гигиеническое влияние на них, совершенствуя формы общения и сближения с ними, просвещения и воспитания их. Вместе с этим мы вправе были рассчитывать на всемерную помощь сельской интеллигенции, быстро умножавшейся за счет прилива сельскохозяйственных специалистов – агрономов, зоотехников, ветеринарных работников, а также организаторских сил самих колхозов и, конечно, учителей, число которых заметно возрастало.

В своей повседневной санитарной работе я всюду и везде знакомился с новыми для меня работниками и встречал всегда доброе взаимопонимание и с особой признательностью ценил любую помощь их в борьбе за здоровье и оздоровление быта колхозников.

В колхозах довольно быстро умножались объекты общественного быта – полевые и луговые станы, сезонные детские ясли и площадки, столовые и пекарни, клубы и избы-читальни, – которые нуждались в постоянном нашем догляде, чтобы не случилось какой-либо чрезвычайной неприятности и особенно вспышки каких-либо болезней в период сельскохозяйственных работ с ранней весны до поздней осени.

Мне самому приходилось многому учиться у руководящих районных работников, организаторов и руководителей колхозов, МТС, политотделов и самих колхозников как лучше вести работу среди масс, чтобы достигать широкого и эффективного влияния на них. Решению этого важного и нового для меня вопроса помогало преподавание гигиенических предметов и, в особенности, методики санитарного просвещения в медицинском техникуме. Много вечеров, а иногда и ночей, было отдано для творческих поисков и размышлений — что и как лучше делать для повышения культуры в колхозной деревне.

***

Попытаемся поделиться своими воспоминаниями из первых лет второй пятилетки.

Я вместе с учащимися медицинского техникума стал оформлять учебные живые газеты на злободневные темы. Каждый курс отделения своими силами с участием всех сокурсников творчески работали над рассказами, юморесками, стихами, песнями, шарадами, статьями, выполняя тему всей газеты.

Так учащимися были составлены три газеты: 1. Нет места паразитарным болезням в колхозе, 2. За большевистский сев в первый год второй пятилетки, 3. Больше внимания в колхозах к женщинам и детям.

Мне, как редактору газет, было радостно, как справлялись учащиеся с коллективным заданием не жалея ни времени, ни терпения к их лучшему содержанию и оформлению. Я с разрешения райкома ставил эти газеты в доме колхозника, в колхозах Русско-Тимкинского сельсовета. Надо было видеть – насколько доброжелательно встречали живые газеты и их исполнителей – декламаторов, чтецов, рассказчиков, певцов и даже плясунов – слушатели-колхозники. Они весьма эмоционально, по-детски реагировали на все выступления по ходу постановки газеты, оживленно, со смехом, а потом тепло благодарили выступавший коллектив учащихся.

Песни и частушки из этих газет заимствовались культбригадами, разъезжавшими по колхозам в те годы, а песня «Ударницы-трактористки», написанная в газету **«За большевистский сев»** входила в местный репертуар любимых песен. Ее автором была учащаяся А. Калинина. Начальный абзац песни:

*«Я работаю удачно трактористкою сейчас,
И гудит-гудит мой трактор на совхозовских полях»*

до сих пор приятно звучит в ушах. В 1936 году, пробираясь по полевым дорожкам на велосипеде, я услышал доносившуюся знакомую мелодию от группы жнецов-девушек, отдыхавших в тени суслон вглуби поля. Я подъехал к ним, поинтересовался — откуда они узнали об этой песне. Они ответили – ее привезла наша подруга с курсов ясельных работников. Я им пояснил, как она и кем была написана.

Учащиеся техникума любовно ставили несколько популярных пьес санитарной тематики в профессиональном и больничном клубах, у себя в техникуме и всюду достигали больших успехов.

В начале пятилетки я продолжал писать статьи в газету **«За кооплективизацию»**. Так появились статьи в 1933 году: *«На борьбу с гриппом»*, *«Прививки – надежное средство в борьбе с эпидемиями»*, *«На борьбу с желудочно-кишечными болезнями»*, *«Сбережем здоровье»*, *«За чистоту и здоровый быт в колхозе»*, *«Дело каждого призывника — явиться в Красную Армию здоровым»*; в 1934 году: *«Здравоохранение в Уржумском районе»*, *«Пройденный путь к здоровой жизни»*, *«Совхоз «Смычка» в прорыве»* и др.

Многие статьи заполняли страницы разных стенных газет в городе и районе.

Бывая много в колхозах, я часто был вынужден пользоваться гостеприимством колхозников на ночлеги и дневные привалы. Сами хозяева были весьма радушны, но вот сожители их – насекомые-паразиты, водившиеся в избах в изобилии, основательно истязали меня. Несмотря на мои предосторожности, предпочитая спать на полу,

на своем тулупе вместо матраца, имея с собой простыни, подушку и одеяло, в ночное время почти всегда подвергался нападению назойливых, жадных до крови, клопов и, естественно, сон был беспокойным. В те же ночные часы к моему чемоданчику с некоторым запасом съедобных вещей подбирались тараканы и ухитрялись заползти в него. Бывали факты, когда при санитарной проверке своей одежды и белья обнаруживал одну-две вши, а то и блоху.

По борьбе с паразитами мною читались сотни лекций и наставлений и они охватывали незначительную часть колхозников, но некоторые полезные выводы они воспринимали для обороны от насекомых.

Мне пришла в голову мысль написать пьесу **«За здоровый быт»**, посвященную оздоровлению быта. И вскоре я засел и в течение месяца-полтора я ее написал. Сначала был написан один акт «Жители избы» (про насекомых на фоне быта), он был проигран моими учениками в техникуме и встретил большое одобрение со стороны учащихся и преподавателей. Потом были написаны: второй акт «Всполошился старый быт» и третий акт «Колхозное собрание с вопросом «За здоровый быт»».

Для оживления постановки роли насекомых и концовку – песню маршевого стиля «За здоровый быт» – я решил обогатить своим музыкальным оформлением (в порядке применения некоторых склонностей к музыке и пению).

В пору появления пьесы районными организациями проводился районный слет конюхов со всех колхозов (до 400 человек). Меня пригласил секретарь райкома ВКП(б) И. А. Марченко и предложил поставить пьесу в городском театре для обслуживания колхозных конюхов. Сколько я ни отказывался, ссылаясь, что она еще не совершенна и требует немало правки. Предложение было сделано так – правьте и подготовьте к постановке ее через две недели, и она будет транслироваться по району через радиоточки в колхозы. Пришлось взяться за режиссерство и срочно репетировать подобранных для 46 ролей учащихся и кое-кого из преподавателей. Ниже кратко передаем содержание пьесы и ход постановки ее (премеры) для зрителей-конюхов колхозов Уржумского района.

Театр полностью был заполнен конюхами, а болельщикам автора – многим друзьям-уржумцам – было разрешено слушать пьесу на сцене с боков и сзади с разрешения администрации и соблюдения полнейшей тишины (таких болельщиков набралось свыше 50 человек). Мое состояние было на пределе, и в то же время я был уверен, что мои ученики-артисты не подведут, особенно вокалисты.

Начался первый акт. Открылась сцена. Перед глазами зрителей открылась крестьянская изба с обычным весьма неряшливым убранством, но несколько расширенная

по площади, и в ней за столом обедающие супруги-крестьяне Семен да Дарья и т. д. По ходу всего акта показана вольготная жизнь насекомых: залетевшие мухи, тянущиеся к продуктам, таракан, показавшийся из-за русской печи и подползавший к поставленной после еды невымытой чашке с остатками пищи; затем выпадает вошь из волос хозяина, усердно чесавшего пальцами голову; выползает клоп из щели кровати, на которую привалился крестьянин отдохнуть; прыгнула блоха в избу из хлама, разбиравшегося в сенях хозяйкой. Все насекомые, распевая, рассказывали о своих делах и заботах в своих ариях, индивидуализированных соответствующей музыкой. Дальше насекомые, устраивая хоровод, весело пели:

«Как весело живется
Нам здесь, друзья,
Никто нас не тревожит,
И праздник каждый день!

Ох уж эти люди,
Как добры они,
Нас к себе пускают,
Нашу ласку ждут».

И т. д.

Трудно передать, с каким оживлением следил зрительный зал за насекомыми с прекрасными голосами и экипированными строго в соответствии их виду.

Лишь кончился хоровод, как с резким переходом портит настроение насекомым блоха, сообщившая всем, что готовится на них мор. А в этот момент в окно доносится голос бригадира санитарной бригады, идущей по домам колхозников с проверкой, комсомольца Миши: «А вот изба Семена, заглянем и в нее». Насекомые быстро разбегаются в укрытия и исчезают. Бригада в 6 человек входит в избу, вооруженная щетками, метелками, клоповаром, гидропультом, и онемевает от запущенного и грязного вида избы, всего убранства. Наконец, Миша, обращаясь к не менее удивленным хозяевам от появления бригады, говорит, что «мы наведем у вас порядок», и члены бригады, выполняя свои обязанности, приступают к чистке избы, бросая реплики друг другу об обнаружении насекомых. А тем временем насекомые (артисты), потрясенные и с ужасом на лицах, выбегают впопыхах из избы с репликами «Торопись!», «Успеть убрать бы ноги», «Ой! Какая беда пришла!» и др.

В зрительном зале было необычайное оживление, непрерывный смех, одобрителльные возгласы. Так оканчивался первый акт.

Второй акт. В той же избе, приведенной в порядок, удивленно ходят хозяева и поражаются, сколько набито разных насекомых в хате, которых нужно убрать и все привести в порядок. В избу вбегают две неряшливые соседки Василиса и Лукерья, перебивая друг друга, возмущаются бригадой, вмешавшейся в их жизнь и забравшей грязные полотенца, фартуки, квашенники для показа на колхозном собрании. Всполох был весьма ярким, а лица Василисы и Лукерьи во всей их экипировке были типичными для большинства женщин-колхозниц той поры. Некоторые зрители даже принимали артисток за своих соседок.

Третий акт. На зеленой площадке перед окнами правления колхоза «Зеленая нива» молодежь во главе с затейником-комсомольцем Мишей готовит площадку для собрания, подтаскивают скамьи, табуреты, стол и всматриваются в публику. Называя по имени поднимавшихся из зрительного зала колхозников-артистов, поторапливают их на собрание. Поднимавшиеся с разных мест зала артисты свыше двадцати человек создали полную иллюзию сбора колхозников на собрание в деревне, а поэтому некоторые из зрителей вставали со своих мест и присоединялись к идущим артистам на сцену, усаживались на скамейки или на траву, и таким образом умножилось колхозное собрание на 10-12 человек. На колхозное собрание пришел сельский врач, приехавший в колхоз, и началось собрание бригадира санитарной бригады комсомольца Миши, который обстоятельно доложил о грязных и неряшливо содержимых избах ряда колхозников, не забыл сказать, как много насекомых было обнаружено у Семена и Дарьи, и показывал собравшимся свои трофеи – грязные вещи, забранные у Василисы, Лукерьи и других. Артисты бесподобно реагировали по ходу доклада Миши. Выступил сельский врач (роль играл врач В. И. Гольблат) и убедительно кратко разъяснил опасность, к которой может привести антисанитария в избах. Выступило несколько колхозников, критиковавших своих односельчан за грязь, которую они развели. После выступления председателя колхоза все запели песню-марш «Мы молодая армия колхозников-крестьян» (на мотив марша «Мы красная кавалерия») и по окончании которого опустился занавес.

Зрители аплодировали и подняли шум, вызывая автора пьесы на сцену. Я с большим смущением и волнением вышел и низко поклонился зрителям-конюхам. Один из зрителей выкрикнул: «Да это же наш врач!» (многие крестьяне давно считали меня своим врачом, потому что чаще и больше меня они никого не видели в своих деревнях из всех медицинских работников).

После этой постановки и трансляции по радио ко мне обращались десятки учителей, комсомольцев предоставить текст пьесы для списывания и во многих колхозах (около пятидесяти) она ставилась (чаще отрывками) местными селами. Два раза мне представилась возможность самому видеть, как в дальних колхозах она игралась почти полностью, и там и до постановки читал лекции.

Определенно, можно сказать, эта пьеса и многие лекции медицинских работников значительно повысили интерес колхозников к благоустройству изб и оздоровлению быта. Многие колхозники ремонтировали свои избы – штукатурили стены, промазывали пазы в стенах, красили полы, окна, двери, белили печи, потолки. Резко усилилась борьба с паразитами-насекомыми – во многих семьях появились приличные умывальники, завели клоповары, больше стали расходовать мыла, щелока и пр. Широко стало практиковаться формирование бригад по подворовой проверке быта колхозников и содержания дворов; немало появлялось дворовых уборных в таких домах, в каких их никогда не было, большое внимание уделялось колодцам и родникам, снабжавшим водой колхозников для питьевых и хозяйственных целей.

В годы коллективизации моя общественная активность стала очевидной для крестьян района, и этим может быть объяснено, что я избирался делегатом 2, 3, 4 и 5 съездов Уржумского района с 1930 по 1934 годы. На всех съездах я поднимал в острых выступлениях вопросы санитарного благоустройства колхозной деревни и повышения санитарной культуры в быту колхозников. В дни съезда нами организовывалась небольшая выставка по вопросам сельской гигиены и ее практического применения; делегатам в перерывы мною давались пояснения к макетам, таблицам, фигурировавшим на выставках. С особой привлекательностью я отмечал рост общественного санитарного актива, который к декабрю 1934 года превысил четыре тысячи человек и почти всех их я хорошо знал пофамильно и в лица. Такое знание актива (была заведена картотека на каждую деревню) очень и очень помогало в нашей широкой и разнообразной оздоровительной работе. Немало колхозников-делегатов обращалось с вопросами и просьбами ко мне и я, как правило, всегда старался давать ответы или удовлетворять их просьбы полностью и без откладываний.

Первые два года второй пятилетки шли с заметно укрупнявшимися шагами. Намного возросла самодеятельность широких масс колхозников за повышение культуры и оздоровление жизни, в чем нам представлялась широкая возможность всячески помогать.

В 1934 году в районе было открыто в 82 точках сезонные детские ясли и площадки с охватом свыше трех тысяч детей раннего и дошкольного возраста, которые освобождали свыше двух тысяч колхозниц-матерей для сельскохозяйственных работ, когда каждая пара рабочих рук ценилась высоко в развитии коллективного сельскохозяйственного производства. Заведующие яслями и воспитательницы, подготовленные на курсах в Уржуме, оказались весьма активными проводниками санитарной культуры на селе. Всех я их знал хорошо и очень ценил неудержимую любознательность и рвение их на работе. Сотни беседований с ними при посещениях детских учреждений и масса заданных ими вопросов ко мне превращались в своеобразную школу повышения квалификации без отрыва от работы. Особенно было ценным то, что они годами закреплялись на своей работе с детьми, приобретали опыт, который надежно повышал действенность их заботы во имя здоровья и жизни детей.

Благотворно сказывалась забота о детях. Лучше стали расти и развиваться дети, пошла на снижение заболеваемость детей желудочно-кишечными и инфекционными болезнями, уменьшилась детская смертность. Такими становились успехи благополучия детей в годы второй пятилетки.

Колхозные воспитательницы детей приобретали заслуженный авторитет в глазах колхозников и руководящих органов колхозов. Более участливыми становились руководители колхозов в организации материальной базы для детских учреждений: отводили и благоустраивали помещения для них, улучшали оборудование и усиливали снабжение продуктами питания, в особенности, ценным мероприятием было снабжение молоком детей от особо выделявшихся коров для этой цели на фермах.

Значительно возрос интерес колхозниц-матерей к сведениям о правильном воспитании и уходе за детьми, вскармливании детей и мерах сохранения детей от разных детских инфекционных болезней. Они охотно несли детей на предохранительные прививки в медицинские пункты и на сборные пункты в самих колхозах.

Много колесил я на своем велосипеде в весенне-летнюю пору по детским учреждениям района, успевал бывать по два-три раза почти во всех детских учреждениях и много-много раз выступал перед женщинами-колхозницами со своими наставлениями и убеждался своими глазами на что способны они при хорошем направлении их внимания и забот детям. Большой успех достигался детскими учреждениями благодаря проводившемуся соревнованию между ними. Нам нередко приходилось быть арбитрами в этом прогрессивном движении и мы охотно выдвигали лучших работников сезонных яслей и площадок для премирования или поощрения их руководствами колхозов.

Нас озабочивало развитие общественного питания в колхозах и считали обеспечение санитарных условий в столовых, пекарнях важнейшей своей обязанностью. Мы, участвуя в подготовке работников для общественного питания на курсах в Уржуме, четко ознакомили их с элементами гигиены питания и необходимостью руководства ими в практической работе в колхозах. Мы оставались требовательными до открытия пищевых объектов и в процессе эксплуатации их, обращая свое внимание на все – помещение, оборудование, обращение с продуктами при приготовлении блюд и хлебных изделий, хлебного кваса и, конечно, на здоровье лиц, работавших в пищевых объектах.

Нам было приятно, что взаимопонимание и взаимодействие определяли курс к организации здорового питания колхозников и в чем оказывалось содействие лучшему проведению сельскохозяйственных работ в военно-летне-осенний период.

***

В первые годы второй пятилетки коллективизация сельского хозяйства обрела себе твердый путь. После распада спешно создававшихся коммун упрочилось объединение крестьян в сельскохозяйственные артели – колхозы. За 1931-1934 годы колхозы Уржумского района освобождались от проникших в них «чужаков», которые причинили много ущерба в первые годы их организации. В колхозах была проведена чистка, в результате которой было удалено 37 человек с руководящих ролей, 91 – с хозяйственных постов и 179 рядовых колхозников.

Основная идея перестройки сельского хозяйства преодолевала все помехи и обеспечивала успешную организацию колхозной жизни. Шла усиленная подготовка кадров для колхозов. За 1933 и 1934 годы было подготовлено 534 работников административно-хозяйственного профиля, 435 полеводов, 767 животноводов⁹³ механизатора и 99 работников по противопожарному профилю. Колхозами усваивались новые формы и методы организации труда: разработка производственных планов, формирование бригад и введение производственных зданий, введение сдельной оплаты и устранение обезлички, движение ударников, которых в 1934 году насчитывалось 697 человек.

***

Уплотненно и сокращенно стали выполняться все сельскохозяйственные работы: весенний сев, сенокос, уборка урожая, осенний сев, поставка хлеба и др. Улучшалось сельскохозяйственное производство введением многопольного севооборота, посевом сортовых семян и машинами, обработкой ранних паров и проведением зяблевой вспашки. Расширялось обобщественное животноводство, строились скотные и конные дворы, свинарники, росло поголовье лошадей, коров, свиней, овец. Рос валовый доход колхозов, с 1931 по 1934 год он повысился в 3,5 раза, а средний денежный доход кол-

хозников – в 1, 6 раза при устойчивой натуроплате около 3,5 килограмм зерна на трудодень.

С экономическим управлением колхозов успешно развивалась культурная жизнь колхозников. Грамотность достигла 820 человек на тысячу среди лиц старше 8 лет, число школ достигло 90 начальных и 15 с семи- и девятиклассным обучением, с общим числом 13664 учащихся и 340 учителей. Появились в колхозе 14 детских садов на 740 детей, 127 сезонных детских площадок на 3184 детей и 82 сезонных детских яслей на более чем на три тысячи детей. В колхозах функционировало 213 библиотек и передвижек, 165 клубов и красных уголков, 520 кружков по самообразованию, 663 радиоточек, 135 телефонных точек, 42 контор и агентств связи, насчитывалось 3182 колхозника-подписчика на газеты и журналы. Все эти данные 1934 года иллюстрируют поступь культуры, входившей в быт колхозной деревни.

Мне отраднo вспоминать происходившее на моих глазах преобразование сельской жизни, поскольку ей мной уделялось почти все внимание. Я не пренебрегал любой возможностью и в любых условиях включаться в эту жизнь, всемерно пропагандируя роль грамоты, культуры, эстетики и спорта, которые должны быть постоянными спутниками в колхозном строительстве и содействовал организации многих практических начинаний в этом полезном движении. Лучше всего об этом поделиться несколькими воспоминаниями.

В июне 1932 года я несколько дней находился в колхозе имени Коминтерна в с. Шевнине, интересовался всей жизнью колхозников. В первый день я долгое время следил, как колхозники очищали скотные дворы и свои дворы от накопившегося за зиму навоза, и заметил, что грузятся десятки телег навозом навалыщиками, а потом все они обозом следуют на поля. Навалыщики оставались без дела длительными перерывами между оборотами телег. Я предложил отправлять телегу за телегой по мере загрузки их навозом, по конвейеру. Колхозники согласились со мной, и заметили ускорение оборота телег, и не стало вынужденных перерывов у навалыщиков. Вечером мне сообщили, что во вторую половину дня они вывезли столько навоза, сколько накануне за целый день. На следующий день вывозка шла в два раза быстрее.

По утрам и днем я осматривал все объекты колхоза, больных, детей на площадке, а вечерами проводил беседы и посещал развлечения молодежи на зеленой площадке, на угоре. Колхозная молодежь развлекалась подвижными играми, и пытались запевать песни. Я посоветовал им разбиться по голосам и попытался, по привычке, ими поруководить. Знакомые песни оказались для всех вполне посильными и, таким образом, сформировался хор в 12-14 юношей и девушек. На следующий вечер желающих петь

собралось вдвое больше и те же песни распевались довольно стройно и привлекли многих слушателей из пожилых колхозников. Вечер песен прошел весело и был одобрен колхозниками. Чтобы закрепить начинание я подобрал одного из певунов руководить сформировавшимся кружком певунов и своими песнями развлекать колхозников. Несколько лет я слышал, как шевнинская молодежь стала славиться своими хоровыми и плясовыми выступлениями.

В декабре 1932 года, в морозный день, я приехал на попутных развалках (легких санках) в лесоучасток Травянистое. Меня встретил лесоохранник А. Мосунов. *«А вы приехали кстати, Н. А.!»*. У меня сразу мелькнула мысль, наверное, требуется врачебная помощь. А дальше он продолжал: *«Сегодня у нас праздник, лесорубы будут угощаться свежим медом и Вас угостят»*. Группа вальщиков деревьев, спиливая сосну больших размеров, услышали отдаленный звон, а когда разделявали ее, то в верхней части, в дупле обнаружили рой пчел, встревоженно гудевших, и там большой запас меда, около 20 килограмм. Бедные пчелы погибли на морозе, а мед был собран в ведра. Находка была признана всеобщее и пошла вечером на угощение с горячим чаем лесорубам-колхозникам. Присутствуя в одном из барачков на чаепитии, я вел дружеское собеседование с окружавшими товарищами, а потом после чая стали петь знакомые походные песни и я взял некоторое руководство поющими. Появилась гармошка и даже начался перепляс, желающих нашлось достаточно. Можно сказать, получилась хорошая самодеятельность, живая и задорная, заполнившая часы досуга приятным отдыхом. Днем я ходил по лесосекам, беседовал с колхозниками и они тепло отзывались о минувшем вечере – дружеском общении. Но этот выезд осложнился тем, что на следующий день к ночи я приехал в Шурминскую больницу и заметил над двухэтажным деревянным зданием (основным) больницы необычно клубится дым не столько из трубы, сколько около трубы. Было 12 часов ночи. На стук в двери к врачу, вышел сам врач Ф. В. Тихвинский, радушно поприветствовавший нежданного гостя. Я спросил: *«У вас разве печи топят по ночам?»*. Он ответил: *«Нет, всегда днем после обеда»*. Я сказал: *«Одевайтесь и пойдете в больницу!»*. Дежурная санитарка быстро провела меня к лестнице на чердак и я, добравшись до люка, открыл его и на меня вырвались клубы дыма. Быстро захлопнув, я потребовал подносить воду ведрами, а сам с топором и ломом, оказавшихся под руками в противопожарном наборе, влез на чердак, чтобы ликвидировать начавшийся пожар. Мне оченьгодились навыки добровольного дружинника, когда-то освоенные в кружке, и я энергично в считанные минуты нашел очаг, залил огонь несколькими десятками ведер воды, хранившейся в баке на случай. Тщательно проверив свою работу через несколько минут, удалился на ночлег, а дежурной

санитарке поручил проверить раза два чердак до утра. Вот тогда-то и вспомнилось: вчера вечером приятно отдыхали, а сегодня попали в большую беду. Хорошо, что мой заезд оказался кстати и с пользой. Утром, обходя с врачом больных, мы убедились, что ни один больной не знал о происшествии, случившемся ночью.

В феврале 1933 года в дни масленицы я приехал на Усть-Немдинский лесоучасток по санитарной работе и, конечно, по культмассовой, чтобы удержать лесорубов на заготовках. Остановившись вечером на ночлег у десятника тов. Стяжкина, я узнал, что в Красном уголке веселятся молодые лесорубы. Я сразу же отправился туда и еще при подходе услышал звуки весело игравшей гармошки и ритмичный плясовой топот. В Красном уголке, размещенном в небольшом деревянном доме, теснилось не меньше сотни молодежи вдоль стен, а в центре шел перепляс ретивых и желающих. У всех на лицах выступал пот от духоты, а у плясунов он стекал потоком. Через некоторое время я подошел к гармонисту, попросил его округлить музыку и таким образом выключить пляску. В наступившем затишье я обратился к молодежи с предложением, сначала отрекомендовавшись кто я. Несколько голосов выкрикнули: *«Мы знаем Вас»*. Я проголосовал, сколько среди присутствующих холостых и девушек, поднялся лес рук. Я предложил им послушать выступление на тему **«Гигиена брака и семьи»**. Они охотно согласились. Заняв место в одном из углов, я предложил слушателям разместиться поудобнее и провел лекцию, следя за вниманием, с каким молодежь слушала меня. Лекция прошла в течение 30-40 минут вполне серьезно, и было несколько задано вопросов. Тут же я подошел к гармонисту и предложил продолжить «бал», начав музыку с русской плясовой, и сам в присутствии молодежи проделал несколько па к выходу и выскочил за дверь Красного уголка. Почти сразу стукнула еще раз дверь, это последовал за мной старичок, который проводил меня к Стяжкину и посидел там, беседуя со мной, когда я ужинал. Когда он пошел, пожал мне крепко руку и бросил реплику: «Ну и чудной же ты, доктор!» и вышел за дверь. Эти слова я принял как искреннее одобрение моей лекции и шуткам молодежи. На другой день я видел, как усердно трудились молодые лесорубы – юноши и девушки – в лесосеке. Они тепло приветствовали меня, задавали разные вопросы, и были очень рады, что я еще побуду три дня и буду с ними встречаться вечерами. Действительно, все вечера прошли интересно – они слушали охотно мои лекции *«Медицина и религия»*, *«Новости медицины»*, некоторые политинформации, и успели организованно попеть, играть и танцевать. Очень было дорого, что молодежь помогла выполнению плана лесозаготовок.

В с. Туреке (с населением до полутора тысяч человек) с конца августа появился сыпной тиф, но очаг оставался не выявленным до конца сентября, когда были достав-

лены два больных в районную Уржумскую больницу родственниками. Я был занят работой в призывной комиссии, в очаг выезжали другие врачи, которые не смогли справиться с ликвидацией очага. Райисполком заменил меня по работе в военной комиссии и направил меня в очаг для принятия всех необходимых мер. С. Турек был хлебозаготовительным пунктом для нашего района и части Марийской АССР – наличие очага в нем было весьма опасным. Мне удалось восстановить всю эпидемиологическую картину, именно первым заболевшим оказался житель Турека, возвратившийся с работ с Урала, от него тиф перешел родным и даже соседям, общавшимся с этой семьей. Набралось около десяти заболевших, которые даже не обращались за медицинской помощью. Все семьи, где появились больные, жили неряшливо, имелась вшивость. В те месяцы местный медицинский пункт не работал (не было фельдшера).

Я действовал оперативно и в первую очередь вовлек весь состав сельсовета, которому на пленуме доложил об обстановке и необходимости срочных и решительных действий. Ими были обойдены совместно с санитарным активом все дома и выявлены имевшиеся больные, а я на подводе объехал все дома с больными, осмотрел их и выявил в одной семье двух больных, в которой уже трое членов переболело, и срочно эвакуировал их в Уржумскую больницу. На второй день был проведен всеобщий банный день с генеральной чисткой жилищ, предметов обихода и одежды. Накануне я выступил в четырех пунктах села с лекциями и призвал жителей включиться в проведение всех намеченных пленумом сельсовета срочных мероприятий. Предложено было при наличии вшивости доставать одежду и белье для дезинсекции в прибывшую с нами походную дезокамеру.

В течение двух дней все село было охвачено всеобщей уборкой и санитарной обработкой людей и многих со стрижкой волос. Около ста человек общественного актива строго следили за всем ходом мероприятий по закрепленным за ними домам и давали информации мне. Я появлялся там, где почему-либо работа шла вяло или люди уклонялись от выполнения наших требований. Цель была достигнута или как оценили сами жители Турека, *«У нас был большой праздник, так мы никогда не мылись и не чистились»*. Около ста домов выборочно я посетил за дни пребывания в Туреке и был обрадован, какую же большую работу провели люди по нашему призыву во избавление себя от опасности. Новых больных больше не было. Очаг был оздоровлен.

Наведенный порядок жителям понравился и после, как вели наблюдение уполномоченные, они с большим вниманием и любовью занимались оздоровлением своих бытовых условий. В этом я сам убеждался, бывая в Туреке ежемесячно, заглядывая в дома и проводя лекции для желающих их послушать, а желающих всегда было много.

Сложно и многогранно совершала шествие культурная революция в колхозной деревне, сливаясь с грандиозной перестройкой сельского хозяйства при новых складывавшихся социалистических отношениях людей – бывших единоличных хозяев.

В Уржумском районе умножалась сельская интеллигенция, она пополнялась из сынов и дочерей крестьян. Агрономы, зоотехники, учителя, медицинские и ветеринарные работники, руководители сельских советов и колхозов и другие быстро сближались между собой, увлекаемые необходимостью претворения планов и решений партии и правительства в области сельского хозяйства.

В нашей оздоровительной работе никак нельзя было обойтись без участия сельских специалистов и общественных деятелей колхозов. Нам казалось, что эти люди, зараженные идеями социалистического гуманизма, в состоянии понимать и поддерживать нас в охране здоровья колхозников. Я быстро знакомился со всеми этими людьми в процессе своей работы и, не стесняясь, обращался к ним за помощью и советами, чтобы сообща поднимать общую и санитарную культуру на селе. Я без особых приглашений появлялся на всех районных совещаниях и конференциях колхозного актива и сельских специалистов, которые в те годы в районе проводились часто, и просил разрешение для своих выступлений. Был рад, что к моим выступлениям относились внимательно и одобрительно, а иногда даже просили меня прочитать лекцию в соответствующем социалистическом направлении. Сожалеть приходится, что эта работа не документировалась полностью и не может быть восстановлена с полной подробностью.

Одно остается непреложным, что, контактируя с этими ценными помощниками, в районе было проведено множество мероприятий по культуре и здравоохранению. Главная роль сельской интеллигенции заключалась в том, что она, растворяясь в рядах колхозников, действовала в буквальном смысле в интересах всех и самих себя. Ее участие сказывалось в создании и развертывании работы производственных, культурно-просветительных, воспитательных и разных бытовых объектов, которыми обогащались колхозы с каждым годом движения вперед. Она всячески содействовала выполнению плана сельскохозяйственного производства.

Колхозное движение, как исторически складывавшееся, сопровождалось небывалыми коллективными формами сплочения и самодеятельности, ускорявшими оздоровление всей жизни сельского населения и повышение всех показателей здоровья. Меня увлекала проблема – разобраться в этом сложном процессе, но я не знал с чего и как начать анализ изменений во всей их глубине и значении.

7. Смена работы не внесла помехи в пропаганду

Летом 1933 года в газете «Известия» Московским институтом социальной гигиены и организации здравоохранения был объявлен конкурс на аспирантуру. Я, прочитав объявление, призадумался – не принять ли участие в этом конкурсе (мне было 33,5 лет, а предел был указан 35 лет). Послал запрос – могу ли принять участие в конкурсе, поскольку имею социальное происхождение из семьи священника (отец с 1907 года не служил и в 1919 г. Умер) и сообщил свои трудовые данные и имевшиеся научные работы. Ответ пришел скоро, просили срочно прислать заявление и документы и было прописано: «Отбор проводится по деловым качествам, а у Вас большой стаж и опыт работы». Мною было отправлено заявление с приложением пяти характеристик, выданных райисполкомом, горсоветом, райвоенкоматом, райотделением союза «Всемирно-сантруд» и медицинским техникумом.

В начале сентября я получил вызов для сдачи вступительных экзаменов на 13 сентября. В это время я был занят работой в призывной комиссии и райвоенком В. П. Рыкалин в освобождении от работы отказал и порекомендовал попросить у института отсрочку с приездом на 40 дней. Институт этого сделать не смог и предложил сохранить связь с ним для будущих конкурсов.

После постигшей неудачи работа велась в районе в широком плане – всю осень и зиму мною велось неослабное наблюдение за колхозами и лесоучастками и ревностно оберегалось достигнутое противозидемическое благополучие – в районе совсем почти не было инфекционных случаев. Большая помощь выросшего в числе и качестве санитарного актива и усиленное санитарное просвещение способствовали этому успеху.

Однако меня все волновало и во всем хотелось проявлять инициативу. В ноябре я объехал все лесоучастки – Цепочкино – Жигалово – Устье Немды, Травянистое, Устье Кильмези – Плотбище – и вел везде большую просветительную работу, убеждая лесорубов, среди которых было немало марийцев, использовать новые технические приемы в заготовке и по вывозке древесины. Находились такие, которые даже отказывались от подсанок для вывоза длинных стволов – мучили себя и лошадей. Вскоре все подсанки пошли в дело и сами лесорубы заметили, что стали больше вывозить и больше зарабатывать. План по вывозке приближался к массе заготавливаемой древесины.

***

Никогда не будет забытым 1 декабря 1934 года. В 6 часов вечера в Уржумском городском театре открылся V-й районный съезд советов, я был в числе делегатов его.

После основного трехчасового доклада председателя райисполкома тов. Н. Г. Коврижных я поспешил в столовую райпотребсоюза проверить приготовленный ужин для делегатов съезда. Спустя час, в одиннадцатом часу вечера делегаты ужинали, и в этот момент было передано правительственное сообщение о злодейском убийстве в Ленинграде секретаря ЦК ВКП(б) и Ленинградского Обкома ВКП(б) Сергея Мироновича Кирова. Трудно выразить, с каким гнетущим чувством восприняли такую внезапную и тяжелейшую весть все делегаты съезда. Все они быстро расходились группами в места ночлега и долго-долго вели между собой острые суждения по утрате Великого гражданина, старого подпольщика-революционера, соратника В. И. Ленина, уроженца и земляка жителей Уржума, Уржумского района. Ночью и в Уржуме, и в районе долго горели огни, почти во всех семьях и квартирах переживалась невероятная, но уже свершившаяся большая потеря для всей Советской страны и советского народа.

Утром съезд Советов провел траурный митинг, посвященный С. М. Кирову с выступлениями ряда делегатов и граждан г. Уржума и с большим напряжением был продолжен съезд, так как обсуждались самые нужные и неотложные вопросы советского и колхозного строительства. Одновременно во всех коллективах города и района шли траурные митинги. Уржумские организации сформировали срочно делегацию на похороны С. М. Кирова и направили ее в Москву. В состав делегации вошли представители районных организаций, друзья детства и юности, и с ней выехали две сестры С. М. Кирова – учительницы. Город и район был в глубоком трауре.

Особо тягостно такую неожиданную трагическую потерю переживали депутаты Уржумского городского совета и по следующему поводу. В начале октября на заседание президиума городского совета вбежал рабочий И. М. Самарцев, только что приехавший из Ленинграда, где виделся с С. М. Кировым и был его гостем. И. М. Самарцев только в начале 1934 года узнал, что С. М. Киров – это Сережа Костриков, с которым он учился в школе, и он решил во время очередного отпуска поехать в Ленинград и обязательно повидаться с С. М. Но он избрал странный метод – он хотел подойти к нему где-нибудь при встрече – либо на улице, либо в общественном месте. Оставался последний день пребывания в Ленинграде. Он с утра стал дежурить у Смольного, чтобы подбежать к Кирову, когда он подъедет и пойдет от машины. Этим он привлек внимание охраны Смольного и его задержали как подозрительно ведущего человека. Он чистосердечно сказал о себе и желании видеть С. М. Кирова – Сережу Кострикова. Об этом поставили в известность самого С. М., и он попросил его проводить к нему в кабинет. Когда он вошел в кабинет, С. М. впробеги подбежал к Ване Самарцеву, сразу узнав его в лицо, и крепко-крепко обнял и расцеловал. С. М. Организовал гостю экскурсию по Ленинграду

в сопровождении шофера на его машине и предложил приехать на квартиру к условному часу, где друзья встретились по-настоящему и провели несколько часов в дружной беседе, в которой было перевернуто много воспоминаний о далеком прошлом и о существующем в Уржуме со всеми его новыми особенностями. С. М. так живо и подробно всем интересовался, что В. М. Самарцев едва успевал давать ему все информации и в заключение он сказал гостю, что в 1935 году постарается обязательно приехать на родину в Уржум, посмотреть город и уржумцев и поохотиться в прекрасных охотничьих угодьях в окрестностях города. Вечером С. М. Проводил гостя до вокзала и отправил его с отходящим поездом в Уржум.

***

Такая весть была воспринята Уржумским городским советом с большим вниманием и радостью. Секции, президиум и пленум городского совета намечали мероприятия по благоустройству города и по повышению культурного содержания его, чтобы подготовиться к предстоящему приезду своего земляка С. М. Кирова.

С какой же грустью депутаты городского совета восприняли ужасную весть, которая огромной тяжестью легла в их сердцах. Все депутаты вели в дни и недели траура беседы с избирателями в кварталах, читали подробности большого государственного события – смерти и прощания с пламенным известным революционером в Ленинграде, Москве и по всей стране. В декабре и январе я, объезжая район, много вечеров провел с колхозниками, рассказывая о жизни и труде великого гражданина С. М. Кирова, для этого я располагал собранными в памяти многими подробностями из печати.

Жизнь требовала в то время от всех – как можно больше трудиться. Я горел желанием справиться со всеми лежавшими на мне обязанностями и, в особенности, в районе, о котором было много забот. Число разъездов в 1934 году было настолько повышенным, что мне едва удавалось обеспечивать преподавание своих предметов в медицинском техникуме. Администрация техникума всячески содействовала тому, чтобы **я не** ослаблял работы как санврач района и не прекращал преподавание. Это достигалось согласованным маневрированием временем, ради чего мне приходилось вести занятие в техникуме по скользящему графику, в дни моих выездов мои часы заполнялись преподаванием других предметов.

В марте 1934 года политотдел Шурминской МТС обратился Райкому ВКП(б) с просьбой откомандировать меня на две недели для проведения краткосрочных курсов подготовки санитарок для колхозов зоны Шурминской МТС, которые были намечены проведением в с. Большой Рой (моем родном селе). Занятость моя была предельной,

но Райком упросил меня на проведение этого нужного мероприятия, я согласился и с 9 по 24 марта вел занятия на курсах по 8 часов ежедневно с 22 собранными девушками из колхозов, имевшими только начальное образование. Требовалось немалое мастерство, чтобы выполнить намеченную программу с необычным составом слушателей. Имевшийся опыт выручал и на этот раз. Девушки – русские и марийки – оказались весьма прилежными. Они успешно схватывали мои объяснения, многое записывали и частично закрепляли практическими занятиями на медицинском пункте у фельдшерицы В. Н. Добровой, занимавшейся с ними по моему инструктажу и над моим наблюдением. Курсы прошли вполне успешно. В последний день 24 марта я внезапно заболел крупозной пневмонией и в тяжелом состоянии был эвакуирован в Уржум. Болезнь вывела меня из строя на два месяца, что, конечно, сказалось на всем ходе дел ввиду моего отсутствия.

Во время болезни я вспомнил об институте, с которым нужно было держать связь, и написал письмо, в котором просил разрешения приехать в Москву для сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру. Я получил согласие с указанием срока на приезд в середине мая. Хотя силы восстанавливались медленно, но некоторые консультации по работе я начал. Приходили мои сотрудники, а также медицинские работники на квартиру и я по часу – по два давал свои указания, а в начале мая по просьбе райвоенкомата провел на квартире занятия с группой фельдшеров запаса в 9 человек по особой оборонной санитарной программе. В последние дни пребывания на отдыхе после болезни я совершил путешествие в Москву. На расходы по поездке пошла премия, врученная дирекцией техникума. В течение дня я сдал вступительные экзамены и вернулся в Уржум со справкой о сданных испытаниях и возможном вызове через 5-6 месяцев в аспирантуру. Об ожидающемся оставлении службы в Уржуме я лично поставил в известность Горьковский крайздрав, куда заезжал на обратном пути из Москвы, и Уржумский райисполком.

С конца мая я вновь работал в полном объеме. Успешно закончил преподавание в медицинском техникуме, летом исколесил весь район на велосипеде по делам здравоохранения, а осенью провел в десятый раз очередной призыв в армию в качестве врача и с наступлением лесозаготовок объехал все свои лесоучастки. В январе составил очередной аналитический отчет за 1934 год о санитарно-эпидемиологическом состоянии района, который демонстрировал полное благополучие. Отчет получил положительное одобрение со стороны Горьковского крайздрави, а я был удовлетворен результатами, к которым привела сплоченная работа со всеми медицинскими работниками и большим общественным санитарным активом района. В январе вторую и третью

декаду я провел в районе – на лесоучастках, в колхозах и сельских медицинских учреждениях, проводя множество оздоровительных мероприятий, совещаний с санитарным активом и прочитав десятки лекций.

30 января, по возвращении, прочитал ожидавшую меня телеграмму о зачислении в аспирантуру и необходимости явки к 1 февраля. Я срочно сдал дела, собрался и 3 февраля (в день своего 35-летия) выехал в Москву на новую работу со многими возможными неизвестными.

7 февраля 1935 года – поворотный день в моей жизни. Я в стенах института тепло принят директором, доцентом И. А. Пашинцевым. От него я узнал о месте моей аспирантуры на кафедре социальной гигиены 1-го московского медицинского института, возглавлявшейся основоположником социальной гигиены и советского здравоохранения профессором Н. А. Семашко. Меня охватила радость и растерянность, первая – к какому видному ученому я попадаю, и вторая – не осрамлюсь ли я со своим ограниченным теоретическим и практическим багажом.

Вечером того же дня я поселился в отведенном для жилья в уголке, в комнате в сообществе с аспирантом, живущим в нем несколько лет. Комната находилась в подвальном помещении здания института, имела единственное окно, выступавшее верхним косяком над тротуарами, позволявшее знакомиться с обувью пешеходов, не видя их владельцев.

С февраля намечалась первая встреча с профессором Н. А. Семашко, когда он должен был читать вступительную лекцию по социальной гигиене очередному курсу студентов. Ввиду большой занятости Н. А. Семашко появлялся на кафедре в дни лекций и совещаний. Привожу подробности состоявшейся первой встречи.

До начала лекции профессора Семашко я был в рядах студентов. Появился Н. А. Все восторженно встретили его длительными аплодисментами. Я с упоением слушал лектора, просто и глубоко раскрывавшего предмет и задачи социальной гигиены, значении ее для мировоззрения советского врача. Кончилась лекция. Н. А. Быстро вышел из аудитории и направился в кабинет. Я поспешно выбежал из аудитории и ускоренно догнал Н. А. И обратился к нему:

– Н. А., разрешите к Вам обратиться. Я ваш новый аспирант.

– Очень рад с Вами познакомиться. Пойдемте в кабинет и поговорим. Как Вас зовут?

– Николай Александрович Шерстенников, – ответил я.

– Так же, как и меня. Тезки.

Наш разговор занял 15-20 минут, но он остался в памяти навсегда.

Н. А., ведя разговор, всматривался в лицо и глаза и задавал вопрос за вопросом. Расположение было таким дружеским, что я отвечал своему учителю легко, свободно и кратко. Он ознакомился где, кем и сколько я работал, какая моя семья и как я склонился на путь социалгигиениста. Спустя некоторое время Н. А., оживившись, спросил:

– Где я мог видеть Ваше лицо? Да и фамилия ваша длинная для меня знакомая?

– В 1924 году я был делегатом на V Всероссийском съезде здраводелов, а в 1925 году слушал ваши лекции на курсах усовершенствования санитарных врачей. В журналах появлялось несколько моих статей в 1927 и 1928 годах.

К концу собеседования я выразил сомнение, справлюсь ли с аспирантской подготовкой, считая себя белым листом в этой специальности. Н. А., рассмеявшись, бросил:

– Хорош белый лист, весь исписанный, – и тут же добавил. – Вам для аспирантуры хватит двух лет, у вас семья большая.

На этом закончилась наша первая встреча. Я проводил Н. А., одетого в зимнее пальто, до выходных дверей института.

Аспирантская подготовка пошла по уплотненному плану – в течение двух лет. Мне было позволено включиться в педагогическую работу кафедры, а также в преподавание гигиенических предметов в медицинской школе 4-й градской больницы и время от времени выступать с лекциями по санитарному просвещению.

К концу второго месяца решился вопрос о теме для научно-исследовательской диссертационной работе. В одной из бесед с Н. А. я поделился своими наблюдениями о положительных сдвигах, происходивших в здоровье колхозников Уржумского района и единовременно высказал мысль, нельзя ли заняться этим анализом под научным руководством Н. А.

С Н. А. Мы встречались по мере надобности 2-3 раза в месяц. Обычно собеседования протекали быстротечно – 20-25 минут, но иногда Н. А., располагая временем, задерживал меня и расспрашивал, как я работал в двадцатые годы, когда он был во главе наркомздрава РСФСР. Он интересовался, как преломлялись решения съездов здраводелов, распоряжения наркомздрава и постановления правительства. Рассказывая, я подчеркивал, как нам приходилось сначала изучать, а потом их проводить в жизнь, ттак как в годы обучения на медицинском факультете (1917-1922) мы не изучали ни основ советского здравоохранения, ни социальной гигиены. Первые шаги делали робко и осмотрительно, советуясь с местными партийными и советскими работниками, и встречали много затруднений, часто обращались к статьям и выступлениям Н. А.

и его соратников, в которых находили себе консультации. Н. А. Подробно расспрашивал о перестройке деревни в связи с коллективизацией и буквально с особым интересом выслушивал, как я был в водовороте этого революционного движения – и агитатором, и организатором, и участником. Он так много задавал вопросов, что некоторые наши встречи занимали час-полтора. На одной такой встрече обоюдно подошли к мысли – мне провести глубокое исследование здоровья сельского населения в годы коллективизации по Уржумскому району, и он в своем личном блокноте написал тему (в его транскрипции) «Санитарное состояние Уржум. р-а в 1924 и в 1934 г. (к вопросу о влиянии коллективизации на здоровье населения)». Этот листок сохранился до сих пор в моем архиве.

Мною был разработан подробный план научной работы (11 стр. машинописи), который был просмотрен Н. А. Семашко, А. Н. Сысиным, П. А. Кувшинниковым, А. В. Мольковым и бывшим секретарем Уржумского райкома ВКП(б) И. А. Марченко и всеми одобрен. 25 мая я с разрешения директора I МОЛМИ доц. Д. Г. Спангейма выехал в экспедицию на 5 месяцев (июнь-октябрь).

Надо сказать, мой возраст и стаж работы сделали меня приметным среди аспирантов, и я пользовался пристальным вниманием со стороны организаций и некоторых ученых медицинского института. Этим может быть и объяснено согласие, которое было дано на избранную тему для научной работы и всяческое содействие ее выполнению. Институт выделил **800** рублей на экспедиционные расходы. О своей работе я поставил в известность Кировский облздравотдел – заведующего П. Г. Шубникова, работавшего некоторое время председателем Уржумского исполкома. Облздрав выделил две тысячи на статистический анализ заболеваемости населения. С теплотой и вниманием отнеслись все уржумские организации, а также все руководители сельских советов, колхозов, медицинских учреждений и сами колхозники к моей поисковой научной работе. На пособие от института я приобрел новый велосипед, чтобы совершать путешествия на нем по району.

Трудно было предполагать, что мне в работе помогут сотни людей. Так, мне помогали 31 медицинский работник, 46 учащийся медицинского техникума во время их практики, более 40 учителей, свыше 80 служащих советских учреждений, 16 сельских специалистов и более 60 колхозников. Множество было проведено разных собеседований по характеристике бытовых и культурных условий колхозников, оформлено и написано разных сведений и информации, выкопировок многих документов, сводок, отчетов, из которых сформировался фонд, весом превысивший 20 килограммов. В руководстве помогавших людей пригодился опыт организационно-массовой работы предшество-

вавших лет, творчески проявлялась моя работоспособность – я был увлечен работой и отдавал ей все свое время. За четыре месяца я не сходил с седла велосипеда и совершил на нем свыше 2500 километров по хорошо известным проселочным дорогам и тропинкам и побывал по два-три раза в 44 сельсоветах, более чем в 40 колхозах, по нескольку раз во всех медицинских учреждениях района и других объектах. Всюду велись инструктажи, собеседования с помогавшими в работе людьми и не оставались забытыми культурные запросы колхозников, а также встречавшиеся в деревне больные, которых осматривал и часть из них направлял в больницы для стационарного лечения со своими диагностическими заключениями.

В сентябре-октябре я помог медицинскому техникуму в преподавании гигиенических предметов, по которым в не еще не было преподавателя, и 20 октября вернулся в Москву со всеми трофеями из экспедиции. Н. А. Семашко и мои консультанты-ученые были изумлены объемом и содержанием привезенных материалов и проведенными некоторыми разработками по теме. Желание трудиться не спадало – ежедневно по 8-10 часов я отдавался науке и 3-4 часа уделял педагогической работе и общественной жизни. В декабре пришлось поехать в г. Уржум для участия в роли общественного защитника по делу одного врача и одновременно уточнить некоторые вопросы по научной работе. Поездку на защиту врача Л. Я. Усачова одобряли Н. А. Семашко и нарком здравоохранения Г. Н. Каминский. Эту миссию я выполнил вполне успешно 20-21 декабря и справедливость восторжествовала.

В феврале 1936 года общественные организации мединститута меня включили в культбригаду для выезда в подшефный район – Перемышльский, Центральночерноземной области (территория Калужской обл.) сроком на десять дней. Я поехал с большим желанием. По приезде в район выяснилось, что в Борищевском сельсовете имеется вспышка сыпного тифа, и я вместе с другим врачом из членов бригады предложили свои услуги эпидемиолога и терапевта для работы в очаге, что было встречено секретарем райкома с особой благодарностью. Мы провели в очаге большую обследовательскую, профилактическую массовую работу и приняли меры к ликвидации очага. Выяснилось, что в сельсовете резко была осложнена хлебная проблема, жители питались суррогатными изделиями из муки вико-овсяной смеси с добавлением лебеды. Хлеб-суррогат выглядел весьма непривлекательным и, конечно, лишенным питательных и вкусовых качеств. Наша медицинская работа дала определенный эффект, но вопрос о хлебе для населения являлся срочным и необходимым для жителей. Об этом мы доложили секретарю райкома перед отъездом в Москву, а в Москве я описал свои наблюдения и передал их вместе с образцами хлеба-суррогата Н. А. Семашко,

а тот информировал председателя ВЦИКа М. И. Калинина. ВЦИК срочно командировал в Перемышльский район своего инструктора для проведения неотложных мер по снабжению хлебом жителей пораженных селений сыпным тифом. Н. А. Семашко передал мне личную благодарность М. И. Калинина за поданный мною сигнал о серьезном неблагополучии (на заседании кафедры).

15 марта 1936 года я смог выступить на конференции социал-гигиенистов г. Москвы с подробным докладом о санитарном состоянии Уржумского района с 1912 по 1934 гг. (о влиянии коллективизации на здоровье сельского населения), который занял свыше полутора часов и встретил самый живой интерес ученых, как оригинальное исследование, посвященное колхозной деревне, и показавшее определенные сдвиги улучшения здоровья сельского населения. Десятки статистических графических таблиц, демонстрировавшихся по ходу сообщения, иллюстрировали экономические и культурные улучшения района в условиях коллективизации и происшедшие ощутимые положительные сдвиги, характеризующие улучшение здоровья сельских жителей колхозной деревни. Так убедительно выглядели таблицы развития полеводства и животноводства в районе за 22 года, показывавшие относительную обеспеченность населения зерновыми, животными продуктами, картофелем, что привело усилению питания в колхозах. Выборочное обследование жилищных условий подтвердило улучшение стройки и благоустройство домов, обогащение быта предметами обихода и культурными принадлежностями. Отмечалось появление мебели, радио, книг, газет, картин в квартирах колхозников, а также велосипедов и музыкальных инструментов, гигиенических предметов и рост потребления мыла. Представлял интерес анкетный опрос колхозников, увлекавшихся курением табака и потреблением алкогольных напитков и их ответы, свидетельствовавшие о критическом суждении своих привычек.

Интересными оказались для конференции демографические показатели за 22 года, из которых явствовалась тенденция относительного снижения рождаемости и смертности за последние годы в сравнении с предыдущим и довольно пестрая динамика в разрезе 44 сельсоветов и по группам экономической мощности их. Обратило внимание отодвигание срока вступления в брак юношей в раннем возрасте до 20 лет – число браков в этом возрасте снизилось в два раза. Произошло снижение средней численности семьи с 5,3 (1926 г.) до 4,5 членов (1935 г.). Одной из причин этого явления стали прерывания и предупреждения беременности (опрошено 511 женщин по 23 сельсоветам в возрасте от 20 до 75 лет). Наметились оживление физического развития юношей и девушек от 13 до 19 лет и призывников 21-летнего возраста.

Много демонстрационных материалов было представлено обзору участников конференции, отражавших структуру и сдвиги общей и инфекционной заболеваемости, а также по группе социальных болезней. Более устойчивой к заболеваниям стала молодежь – детских и юношеских возрастных групп, так данные медицинских осмотров учащихся за 1931-1935 гг. показали снижение наиболее распространенных среди них болезней с 446 до 173 на тысячу учащихся, а среди призывников – с 693 до 488 на тысячу.

Конференция признала проведенное нами исследование здоровья сельского населения оригинальным и новым по всесторонности и объему собранных сведений и выводов. Об этом говорили выступившие на конференции ученые Д. В. Горфин, П. А. Кувшинников, Г. А. Баткис, и ряд других. Таким признанием были довольны учитель и ученик.

Моя научная продукция завершила пребывание в аспирантуре в сравнительно короткий срок, всего за 16 месяцев. За досрочность научного роста и успешной аспирантуры я был премирован дирекцией института суммой 300 рублей.

Группой ученых высшей аттестационной комиссии наркомздрава РСФСР было высказано мнение о допустимости использования меня в качестве организатора и руководителя кафедры социальной гигиены в одном из молодых периферических медицинских институтов. Этот вопрос практически решился в начале сентября, когда меня пригласил на работу в Башкирский медицинский институт директор С. М. Трайнин. Приказом Наркомздрава РСФСР с 16 сентября 1936 года я был назначен врио заведующим и и.о. доцента кафедры социальной гигиены. В г. Уфу я прибыл 8 октября.

Перед расставанием мой учитель Н. А. Семашко задал мне вопрос:

- Вас не смущает, что вы отправляетесь на работу в национальную республику?

На это я ответил:

– Я привык служить народу, и думаю, что там сумею служить и оправдывать доверие народа.